

ЭКСПАНСИЯ.

Роман
ЗЛОТНИКОВ

ГРОН
[ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР]

Грон

Роман ЗЛОТНИКОВ

Прекрасный новый мир

«Автор»

2008

Злотников Р. В.

Прекрасный новый мир / Р. В. Злотников — «Автор»,
2008 — (Грон)

Великий Грон, Командор легендарного Корпуса, окончил жизнь в рабовладельческой Ооконе... и воскрес в новом теле и в новом мире, где никто не знает о Творце и Хранителях Ордена, верховная власть основана на магии, герцоги и бароны захватывают чужие феоды с помощью меча или интриги, а короли – всего лишь марионетки в руках неких Владетелей, способных сокрушать огромные армии, воздвигать города и обрушивать горы... На этот раз Грону досталось тело хромого пажа. Казалось бы, живи себе тихо под именем Собола, младшего сына барона Расдора. Но Грон остался Гроном, и обстоятельства вновь вынуждают его выступить против незыблемого – на первый взгляд – миропорядка...

© Злотников Р. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Пролог	5
Часть I	12
1	12
2	19
3	28
4	36
5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Роман Злотников

Прекрасный новый мир

Пролог

Герцог Эзнельмский травил зверя. Охоты в Эстрегонской чаше, которые устраивал герцог, славились по всей северной марке. Как и балы в его замке. Как и его парадные выезды, лошади в которых были подобраны по масти – вороные, черные как смоль, или белые с черными гетрами на передних ногах... По всеобщему признанию, герцог имел самый блестящий двор, начиная от южных отрогов Баннелонских гор и до северного побережья Тенгенского моря. И хотя граф Таммельсмейна и герцог Жадкейский готовы были с этим поспорить, но все понимали, что больше из собственного гонора, чем из чувства справедливости. А по ту сторону Баннелонских гор никаких дворов и не было. Там места были дикие, опасные, регулярно подвергавшиеся опустошительным набегам диких варваров и горных людоедов, так что тамошние замки ничем не напоминали роскошный, сияющий множеством окон с зеркальными стеклами замок герцога Эзнельмского. Уже не столько замок, сколько дворец, в котором от замка остались разве что только внешняя стена с десятком башен, давно исполнявшая скорее обязанности дворцовой ограды, чем крепостной стены, да старый покосившийся донжон, после перестройки замка превратившийся из его сердца в его же задворки. Те же замки все еще оставались угрюмым гнездом суровых воинов, всегда готовых при малейшем признаке опасности вскочить в седло и выметнуть меч из ножен. Так что о каком дворе там могла идти речь?

Впрочем, охоты герцога славились не только из-за пышности одежд и тщательной работанности церемоний, а еще и потому, что Эстрегонская чаша являлась не чем иным, как длинным языком Запретной пущи, несокрушимой стеной окружающей Башню Владетеля Ганиада. Поэтому зверья в ней всегда было неиссякаемо.

Всем известно, что сила Владетеля, достигающая в Запретной пуще своего пика, заставляет жизнь бить ключом в ее непроходимых чащах, порождая невероятно могучих и необычных зверей. Но Запретная пуща для людей недоступна. Причем эту недоступность охраняют даже не столько запреты, а, скорее, те чудовища, что заполняют ее. Чудовища, когда-то, вероятно, имевшие в предках обычное зверье, ныне неузнаваемо превращенное, а вернее, извращенное могучей силой Владетеля. И чем ближе к ее сердцу, к Башне, тем более страшными и опасными они становятся. Но и по окраинам их немало. Недаром крестьяне ни под каким видом не селятся ближе дневного перехода от Запретной пущи. И тучные луга на ее опушках всегда стоят невыкошенными...

А вот Эстрегонская чаша была дарована Владетелем Ганиадам в ленное владение герцогам Эзнельмским. Зверье в ней хотя и было излишне злобливое и крупное (зайцы вымахивали с собаку, а косули чуть не с лося), но все же не слишком отличалось от обычного. И не в пример тварям Запретной пущи в пищу вполне годилось. Но иногда в Эстрегонской чаше встречались и более экзотические экземпляры...

Эта охота была последней осенней. Через неделю зарядят холодные осенние дожди, дороги развезет, и почти на месяц замки, так же как города, деревни и одинокие хутора северной марки, окажутся отрезанными друг от друга. До тех пор, пока не ударят первые морозы и землю не укроет пушистое снежное покрывало. Однако пока стояли теплые дни, и деревья все еще несли на своих ветвях почти по-летнему пышную, но уже совсем по-осеннему яркую и разноцветную листву.

Герцог выехал на вершину небольшого холма и остановился, оглядывая из-под руки отлично видимые с этой возвышенности лесные дали. Многочисленная свита остановила коней

шагах в десяти сзади и тихо переговаривалась. Охота обещала быть интересной. И необычной. Неделю назад главный ловчий доложил, что на западной опушке чащи егеря наткнулись на следы Костяного вепря. Это было одно из порождений Запретной пущи, невесть по какой причине забредшее в Эстрегонскую чащу. Обычно столь могучие и опасные твари не покидают Запретной пущи. Ибо, являясь порождением силы Владетеля, не могут долго существовать без подпитки ею. А той части силы, что, как утверждают философы и алхимики, разлита в мировом эфире и имеется везде, а не только в Запретной пуще, им недостаточно. Поэтому вепрь, случайно выбравшийся из родных для него дебрей пущи, скорее всего, был уже изрядно ослабевшим. И охота на него вполне могла обойтись не слишком большим числом погубленных жизней. А трофей при удаче был бы знатным. Дай Владетель, один властитель замка из сотни мог бы похвастаться тем, что на стене его охотничьего зала висит нечто подобное голове Костяного вепря. Хотя как раз замок герцога Эзнельмского таким подобным похвастаться мог. Ибо на стене его охотничьего зала висела голова Адского пса. Но украшенной огромным рогом и покрытой, будто броней, чудовищными костяными наростами головы Костяного вепря там не было...

Герцог небрежно вскинул руку, затянутую в тонкую черную лайку, и главный ловчий тут же дал шенкеля своему коню, подъезжая к господину.

– Ваша светлость...

– Где он, Нашпригут?

Главный ловчий прислушался к еле слышному отсюда лаю собак.

– С востока гонят. От Бродяжьего брода.

– С востока? – Герцог качнул головой. – А мне кажется, что на юге лай громче.

– Так точно, ваша светлость, с юга громче. Там не меньше трех свор гон ведут. Да только у них лай азартный. Потому как привычного зверя гонят. А с востока – те глуше брешут. Пугливей. Будто сами боятся того, кого гонят.

Герцог небрежно кивнул:

– Хорошо. Свору Гоняя уже пустил?

– Никак нет-с, ваша светлость. Ждем, когда зверь подупреет. И на своры, что его уже гонят, бросится. Много собак положит. Ей-ей. А вот когда его потреплют маленько, да еще пикинеры-загонщики подоспеют, вот тогда и Гоняя со сворой пустим.

– Где думаете брать?

– А у Заячьей балки. Самое место.

Герцог снова склонил голову в небрежном жесте согласия. И, легким движением руки отпустив ловчего, тронул коня, выезжая на самую макушку холма. Он устал. Нет, не за сегодняшний день, а вообще. Даже нынешняя столь необычная охота его уже не радовала...

Лет двадцать назад слава о похождениях юного наследника домена, тогда еще звавшегося виконтом Бержаром, гремела по всей северной марке. По давнему обычаю, еще и подкрепленному договором, он в двенадцать лет покинул отцовский дом и отправился ко двору графа Таммельсмейна. Официально считалось, что воспитание в семье может только испортить мальчика. Ибо женщины слабы, и мать никогда не согласится отойти в сторону и никак не участвовать в воспитании (а следовательно, и не портить) будущего дворянина. К тому же дети вассалов, находящиеся при дворе господина, служили лучшей порукой соблюдения вассальных клятв, а дети властителей, отправленные ко двору соперников, – заключенных договоров. Ни один договор, заключаемый бывшими противниками, никогда не обходился без устной либо, если ожесточение предыдущей войны было слишком сильным, даже и письменной договоренности об обмене наследниками. Так что зачастую те, кому предстояло вступить во владение доменом, толком знакомились со своим наследством уже во вполне зрелом возрасте. Лет двадцати. Ибо, несмотря на то что обычно держать при дворе юношей, достигших семнадцатилетнего возраста и уже посвященных в рыцари, считалось неприличным и обычно на

замену таковым присылали кого-нибудь помоложе, а старших отправляли домой, наследников это правило касалось не всегда. А последняя война между Эзнельмом и Таммельсмейном была долгой и довольно жестокой. Так что виконт Бержар, наследник герцога Эзнельмского, пробыл при дворе графа Таммельсмейна до двадцати пяти лет. До того момента, когда его отец, прежний герцог Эзнельмский, скончался от удара прямо на одной из фрейлин его жены, урожденной баронессы Галлианд. В то время виконт Бержар такую смерть батюшки очень даже одобрял, поскольку и сам был весьма известным в свете задирателем юбок. По всеобщему мнению, он не пропустил ни одной смазливой мордашки в замке графа Таммельсмейна – от молочницы до фрейлины графини, а по слухам, добрался даже и до графской спальни. Впрочем, слухи и есть слухи, а графиня в свете считалась женщиной добродетельной и строгой. Хотя роскошные, черные как смоль, кудри виконта, влажные, чуть навывкате глаза, в глубине которых таилась самая откровенная и бесстыдная похоть, и чувственные губы совратили не одну добродетельную душу. А про его сумасшедшие пирушки, стоившие городу Таммельсмейну трех сгоревших трактиров и бесчисленного множества убытков в других, в графстве помнили до сих пор. Так же как и проделку с выпоротым капитаном городской стражи. Да, веселое было время...

Главный ловчий прислушался к лаю собак и перекличкам рожков ловчих и поднял свой рог. Окрестности огласил густой, басовитый рев. Нашпригут оглянулся на герцога, но тот продолжал равнодушно смотреть вниз. И главный ловчий махнул рукой, приказывая всей многочисленной свите, сопровождавшей герцога на этой охоте, двигаться вперед. На охоте именно он был главным... ну ладно, пусть формально, но фактически уж точно вторым после герцога. Пестрая кавалькада всадников тронула коней. Герцог проводил их равнодушным взглядом и вновь устремил его на открывшуюся панораму.

Герцогство Эзнельмское было одним из самых богатых доменов. В отличие от Таммельсмейна и Жадкеи оно не имело выхода к морю, зато ему принадлежала половина рудников, заложенных в Баннелонских горах. Да и самый удобный для сообщения с Загорьем перевал находился тоже в землях герцогства. Впрочем, особого дохода торговый тракт в Загорье не приносил. Загорские домены все сплошь были мелкими и бедными. Ну, может, за исключением Расдора. Но Расдорский барон был извечным противником герцогов Эзнельмских и предпочитал торговать через Жадкею. Хотя это выходило и дальше, и дороже.

Первые пару лет новоиспеченный герцог всюду наслаждался свалившимися на него возможностями. О тех пирах с фейерверками, охотах и всяческих иных забавах до сих пор ходили легенды по всей северной марке. Но однажды утром герцог вызвал в опочивальню канцлера и потребовал заплатить торговцу редкими благовониями, приведшими в полный восторг его очередную пассию. Канцлер развел руками и с печалью в голосе доложил, что казна пуста.

Молодой герцог недоуменно воззрился на него:

– То есть как это нет денег?

В его представлении деньги были всегда. Это был непреложный закон природы. Деньги просто *не могли не быть!* То есть да, их могло ему не хватать, но за этим стояло не их физическое отсутствие, а нечто иное, скажем, скупердяйство папеньки или нерасторопность почтовой службы.

Канцлер вздохнул. Он уже порядком устал от совершенно сумасшедших расходов молодого господина, умудрившегося всего за два года спустить достаточно тугую мошну, которую его папенька, несмотря на свою так же немалую приверженность всяческим жизненным удовольствиям, смог накопить.

– Вот посмотрите, ваша светлость, – он раскатал длинный свиток, который захватил с собой в опочивальню, не слишком, правда, надеясь, что это ему поможет, – всего доходов за прошлый год мы получили семнадцать тысяч восемьсот семьдесят три толара. На содержание дружины ушло...

К удивлению канцлера, где-то к середине его речи молодой герцог выбрался из постели, в которой все еще валялся вместе с куртизанкой, и принялся внимательно рассматривать свиток, продолжая при этом слушать доклад. Когда отчет о доходах и расходах за год был закончен, молодой герцог еще несколько минут рассматривал свиток, в котором все расходы были разложены на пять статей – армия и полиция, дороги и мосты, жалование чиновников и слуг, содержание замка и (эти расходы канцлер специально вынес в отдельную статью) его собственные траты. Подняв голову, он удивленно спросил:

– Так это что, я за прошлый год прогулял больше, чем ушло на все остальное вместе взятое?

– Да, ваша светлость, – согласно склонил голову канцлер, у которого даже чуть екнуло под ложечкой.

– Лихо... – Герцог задумчиво потер подбородок.

– Так что? – капризно прозвучало из-под балдахина оставленной герцогом кровати. – Ты купишь мне наконец эти флаконы? Я уже устала ждать, пока вы закончите эти свои мудреные речи.

Герцог покосился в сторону кровати, и его лицо внезапно перекосила гримаса раздражения.

– Пошла! – сердито крикнул он. – Пошла прочь!

– Но, котик... – испуганно раздалось из-под балдахина, а в следующее мгновение оттуда высунулось пухленькое личико, обрамленное белокурыми волосами и украшенное яркими фиалковыми глазами. – Неужели ты...

– Пошла прочь, я сказал! Стража! – нетерпеливо заорал герцог. А когда в комнату, громящая щитками лат, ввалились двое стражников, раздраженно приказал: – А ну выкиньте эту дуру из моей спальни.

Всхлипывающую «дуру», впрочем, сопроводили из спальни весьма уважительно. Никто не хотел навлекать на себя гнев коннетабля неуважительным отношением к его жене. Она была на двадцать с лишним лет моложе мужа и обладала любвеобильностью кошки во время течки. Но он в ней души не чаял, прощая ей все ее похождения и свирепо отстаивая ее честь... вернее то, что ему казалось таковым. Так что по всему выходило – молодой герцог только что нажил себе нового врага в лице своего же коннетабля. Хотя, сказать по правде, его жена действительно была редкостной душой, считавшей, что в мире есть только два достойных занятия – трахаться и веселиться, а все остальное не заслуживает никакого внимания.

А герцог с того момента нашел еще одну область приложения своей кипучей энергии и набросился на заботы властителя с той же молодой увлеченностью и неумением, с какой доселе предавался увеселениям. Он мотался по всему герцогству не зная усталости – строил мосты, закладывал лесопильни и сукновальни, мостил дороги. С жаром обсуждал с каменотесами, где и как выстроить новые сторожевые башни, а с хозяевами шахт и плавилиен – как лучше плавить металл. Пиршества и фейерверки были почти забыты, а на охоте теперь под звуки рожков не только травили зверя, но и договаривались о закладке новых мануфактур и расширении старых. Так продолжалось три года, до тех пор пока Жадкейский герцог, обеспокоенный неожиданным усилением Эзнельма, не подговорил Расдор напасть на окраинные владения герцогства. Расдорцы всегда считались неплохими воинами, и пограничные бароны-вассалы довольно быстро потеряли свои замки и бросились в Эзнельмский замок с просьбами о помощи и воплями о долге суверена. Новому для себя поприщу герцог Эзнельмский отдался с тем же жаром, что и всем предыдущим. Продвижение расдорцев было остановлено, что, впрочем, было не очень-то и тяжелой задачей, поскольку те и сами не собирались продвигаться слишком глубоко в пределы герцогства, прекрасно понимая, что Расдор все же таки Эзнельму не ровня и максимум, на что они могут рассчитывать, это на получение контроля над перевалом. Но герцог Эзнельма не собирался отдавать им один из источников пусть и небольшого, но стабиль-

ного дохода. К тому моменту он уже неплохо разбирался во всем своем обширном хозяйстве. Так что спустя полгода после вторжения дружина герцога с созванным им баронским ополчением начала все сильнее давить на расдорцев, оттесняя их к перевалу, из-за которого они пришли и который хотели удержать. Однако решающую битву войско герцога проиграло. Из-за предательства коннетабля, так и не простившего господину не столько любовной связи со своей женой, сколько пренебрежения ею. Так что перевал на долгие пять лет оказался в руках расдорцев. Пять лет в Эзнельме не шумели пиры, не гремели фейерверки, не устраивались даже знаменитые охоты. Пять лет Эзнельм готовился к реваншу...

Согласно Законам Владетеля, Эзнельм, как общепризнано более сильный домен, не мог просто напасть на Расдор. Поэтому первый удар герцог направил на Жадкею. Перейдя границу, герцог Эзнельмский не стал терять время на штурм замков приграничных баронов, как предписывали все военные трактаты, а быстрым маршем двинулся прямо на столицу, не давая времени Жадкейскому герцогу собрать ополчение. Жадкейцы всегда предпочитали воевать золотом, а не мечом, науськивая на своих врагов соседей либо приплачивая пиратам. Так что, когда полки эзнельмцев подступили под стены Жадкеи, местный герцог, бежавший из своей столицы и укрывшийся в одной из горных твердынь, одновременно отправил послов к неприятелю, предлагая решить возникшие разногласия миром, и к расдорцам, слезно моля старых союзников *потребовать* северные пределы Эзнельма. Как выяснилось, именно этого и нужно было Эзнельмскому властителю. Поэтому, услышав о том, что расдорцы вновь осадили замки его приграничных баронов, герцог Эзнельмский, удовольствовавшись вполне небольшой контрибуцией, быстро двинул свое уже отмобилизованное войско на север. К перевалу. Расдорцы защищались отчаянно. Но их было слишком мало. На одного расдорца у герцога было по десять солдат, и в конце концов перевал пал. Да еще и на земли Расдора пошли набегом горные людоеды, так что воины срочно потребовались расдорцам на севере. Поэтому барон Расдора был вынужден пойти на заключение тяжелого и крайне невыгодного для себя мира, не только отдав в качестве контрибуции вдвое больше денег, чем принес контроль над перевалом за эти пять лет, но еще и направив в Эзнельм *на воспитание* одного из своих сыновей. Уговаривались о наследнике, но тот погиб, отражая набег горных людоедов. Да и вообще потери расдорцев во время того набега оказались так велики, что герцог Эзнельмский смиловился и согласился на любого из сыновей, по выбору отца. Выбор, естественно, пал на младшего, которому тогда не исполнилось еще и шести. Он был самым слабеньким, болезненным и совсем не походил на братьев, уже с молодых ногтей демонстрировавших присущую расдорцам статью и силу. Возможно, дело было в том, что мать вынашивала его, уже будучи больной, и умерла при родах. С тех пор мальчик рос при дворе герцога Эзнельмского, не слишком, впрочем, одариваемый вниманием...

Потом были другие войны, перемежавшиеся вполне длительными периодами мира. А затем, доказав всем соседям, что связываться с Эзнельмом себе дороже, герцог вернулся к пирам и охотам. Хотя они его уже не слишком радовали. Но герцог, устав воевать, решил то, что ранее делал силой мечей, попробовать совершить блеском двора, привлекавшего к себе самых талантливых поэтов и художников, самых прекрасных дам, самых великолепных и богатых кавалеров. И это удалось ему не в меньшей степени, чем все остальное. Но теперь он устал и от своего двора...

Пышная кавалькада спускалась с холма пестрой, растянувшейся змеей. Дамы и кавалеры ехали шагом, переговариваясь между собой. Кое-где слышался мелодичный женский смех, а часть кавалеров нетерпеливо привставали в стременах. Хотя в этой кавалькаде практически не было тех, кто должен был бы напрямую вступить в схватку с чудовищем (все должны были сделать собаки, пикинеры, и лишь в самом финале, дабы окончательно поразить страшного, но обескровленного зверя, против него должен был выйти кто-то из знатных охотников), многие пребывали в предвкушении. Если не личного участия, то хотя бы зрелища схватки.

Кавалькада медленно спускалась с холма, когда главный ловчий вдруг насторожился и вскинул руку, требуя тишины. На этот жест отреагировали не слишком многие. Кто-то был занят светской беседой с хорошенькой спутницей, кто-то просто смотрел в другую сторону, а кто-то в собственном высокомерии посчитал, что не обязан реагировать на команды худородного. Охоты герцога Эзнельмского уже давно были чисто светским мероприятием, а не смертельно опасной забавой настоящих мужчин, тренировкой их искусства схватки.

Главный ловчий досадливо поморщился и, поспешно вскинув рог, протрубил остальным ловчим команду спустить всех собак. Из-за гомона, охватившего кавалькаду, он не смог слышать, что такое творится внизу, где своры гнали главный приз сегодняшней охоты, однако судя по тому, что услышать все-таки удалось, дело там повернулось как-то не так. А в следующее мгновение он увидел и прямое подтверждение этому выводу...

Костяной вепрь вырвался из чащи ожившим ужасом. Он совершенно не выглядел обесилевшим, как должен был бы. Наоборот, от его гигантской туши, в холке достигавшей высоты вскинутой лошадиной головы, веяло чудовищной мощью. Кони в панике забились, теряя разум и способность повиноваться командам всадников. И еще минуту назад пышная и роскошная кавалькада превратилась в обезумевшую толпу. Чудовищный зверь на мгновение замер, обводя месиво из хрипящих и бьющихся животных и вопящих от ужаса людей взглядом своих четырех кроваво-красных глаз, а затем зарычал, да так, что все будто окаменели, и бросился вперед. Лошади, люди – все смешалось в этой кровавой куче.

Герцог, двинувший коня, уже когда хвост кавалькады проехал мимо того места, с которого он озирает окрестности, натянул поводья. Его Блислер был старым, опытным боевым конем, но и он весь дрожал, ощущая рядом воплощенный первородный ужас, однако пока еще оставался послушным своему всаднику. Несколько мгновений герцог смотрел на развернувшуюся бойню, а затем его губы тронула легкая усмешка, и он громко позвал:

– Нашпригут!

– Ваша светлость! – Главный ловчий вынырнул из обезумевшей толпы. Он был без коня, без шляпы и в разорванном колете. – Бегите! Ради всего святого...

– Где мое копьё?

– Ваша светлость!!!

Герцог усмехнулся и, перекинув ногу через луку седла, спрыгнул на землю. В схватке с таким зверем нельзя полагаться на любого, даже самого опытного и тренированного, коня.

– Ловчий, ты что, не видишь? Он не просто убивает. Он ищет...

Главный ловчий обернулся. Действительно, если справиться с ужасом и попытаться внимательно присмотреться к поведению чудовища, можно было уловить, что оно не просто убивает всех, кто попадает ему на клыки. Оно целенаправленно прочесывает толпу вдоль и поперек, иногда вырываясь из нее, но не столько для того, чтобы убить какого-то человека, сколько для того, чтобы, сделав круг, будто умелый загонщик вновь согнать в кучу начавшую разбегаться добычу. А потом опять ныряет в самую гущу.

– Кого... ищет? – холодея, спросил главный ловчий, на самом деле уже зная ответ.

– Меня, – спокойно ответил герцог. – Я уже давно не развлекаю Владетеля так, как ему хочется. И потому он решил слегка освежить картинку. Так где мое копьё?

– Сейчас, ваша светлость, – шумно вдохнув, прошептал главный ловчий и, утерев пот, бросился к огромной куче, состоявшей из чудовищной мешанины трупов лошадей, кусков людских тел, комьев вывороченной земли, наваленной Костяным вепрем в самом центре поляны. Где-то там, притороченное к седлу трупа его собственной лошади, находилось охотничье копьё герцога. Но не успел он сделать десятка шагов, как Костяной вепрь, наконец-то учуявший свою главную добычу, выметнулся ему навстречу, походя вспоров левым клыком главному ловчему живот и грудину. Буквально вывернутый наизнанку труп главного ловчего сделал еще один

шаг вперед и рухнул на траву таким пластом окровавленного мяса. А Костяной вепрь приблизился к герцогу еще на шаг и замер, уставившись на того, за кем он был послан.

Герцог взглянул в пылающие бешеной злобой глаза чудовища и, усмехнувшись, потянул из ножен шпагу. Это было не его старое боевое оружие, а парадная зубочистка с золочеными, густо украшенными алмазами и изумрудами эфесом и гардой и блестящим, полированным, но не слишком длинным клинком. Впрочем, даже с боевой шпагой у него не было никаких шансов против этого чудовища. Да что там шпага, даже тяжелое охотничье копье, способное остановить разъяренного медведя или обычного вепря, здесь не помогло бы. Но негоже дворянину и властителю гибнуть как свинье на бойне...

Костяной вепрь разинул пасть, дохнув на герцога чудовищным смрадом, и, поведя своей огромной, покрытой, будто броней, мощными костяными наростами головой, стремительно метнулся вперед. Эстрегонскую чашу огласил дикий, вибрирующий вой, заставивший лошадей тех, кто сейчас пробирался через чашу вдалеке от этой поляны, так же забиться в ужасе, а затем все смолкло...

Когда спустя час на поляну рискнули-таки выбраться в ужасе разбежавшиеся по лесу ловчие, Костяного вепря на ней уже не было. Герцог лежал на перепаханной мощными копытами траве, будто тряпичная кукла. Его правая рука была оторвана и валялась в десяти ярдах от него, на левой ноге не хватало голени и ступни, но в остальном тело выглядело почти неповрежденным. Скорее измятым. Так, будто в нем не осталось ни одной целой кости. Конечно, и в таком виде он выглядел ужасно, но если сравнивать с теми, чьи... даже не тела, а части тел торчали из огромной кучи земли и ветвей деревьев вперемешку с кусками лошадиных туш, можно сказать, что тело герцога практически не пострадало.

Из двухсот всадников, что ранним утром покинули охотничий замок в свите герцога Эзнельмского, в живых остались менее шестидесяти человек. Семнадцать из них были ранены. Двое – очень тяжело. Виконтесса Мелиль, великолепная юная красотка, попала под удар клыка, все еще пытаясь удержаться на взбесившейся лошади, так что она просто лишилась левой ноги до бедра и затем была придавлена трупом своей же лошади. Лекарь считал, что у нее есть шансы выжить. Хотя разве можно назвать то, что ей предстояло, жизнью?.. А вот мальчику-пажу клык зверя располосовал бок и спину так, что надежд на его выживание практически не осталось. Но придворный лекарь, осмотрев его, все-таки решил не давать ему темной цикуты, дабы сделать более легким его отход. В основном из-за того, что паж был в беспамятстве и вряд ли способен сделать хотя бы простое глотательное движение. Так что лекарь просто велел уложить пажа на подводу и отправить в замок, рассчитывая, что тот сам умрет дорогой.

Часть I

Прекрасный новый мир

1

Стражник, стоящий у входа в оружейную, откровенно скучал. Этот пост в замке герцога Эзельмского давно потерял свою особенную важность. Так, традиция. Как и сама оружейная. Потому что теперь она скорее являлась просто кладовкой. Ну ладно, не кладовкой, а хранилищем, причем довольно-таки ценных вещей. Ибо эта оружейная была по большей части забита личным оружием герцога и его наиболее близких соратников, а оружие властителей всегда было не только самого высшего качества, но и богато украшено искусными насечкой и инкрустацией. Но все равно к тому истинному назначению, каковое имела оружейная, например, в замках за Баннелонскими горами, эта оружейная уже давно не имела никакого отношения. Поэтому сюда обычно ставили не слишком старательных стражей. Все равно пост формальный.

Стражник зевнул, отлип от косяка двери и, вскинув на плечо алебарду, двинулся вдоль стены. Четыре шага влево – лестница, а столько же вправо – большая галерея, когда-то предназначенная для арбалетчиков. Но уже давно зубцы галереи были расширены, бойницы – заложены, верх подведен под крышу, а промежутки между зубцами застеклены. Так что о давнем предназначении галереи теперь напоминали только необычайно широкие, как раз в толщину крепостного зубца, подоконники. Стражник дошел до угла и остановился. Этот мальчик опять сидел на том же самом месте. В нише одного из окон. Одна нога согнута в колене, и он обхватил ее рукой, а вторая... вторая, вывернутая так, что ступня смотрела наружу почти под прямым углом, осталась на полу. Рядом с толстой палкой-костылем. Стражник жалостливо вздохнул. Грустно. Грустно в пятнадцать лет стать инвалидом. Теперь этот юный паж не способен даже спуститься по лестнице. Во двор. Не говоря уж о том, чтобы вскочить на коня и промчаться по тем просторам, на которые он смотрел сейчас из окна замка. Единственное, что ему оставалось, – это с трудом доковылять из расположенной здесь же, на этаже, спальни пажей до этого окна и устроиться в нише, глядя на огромный, но, увы, ставший теперь недоступным мир...

Додумать мысль стражник не успел. Потому что в противоположном конце короткого коридора дребезжаще загрохотало, и он торопливо бросился к дверям оружейной. Судя по звукам, к его посту приближался капрал Дур. Еще та сволочь. Несмотря на крайне дородную фигуру, из-за которой он едва-едва, цепляясь за стены и выступы наплечниками и юбкой кирасы, протискивался по узкой винтовой лестнице, отчего и производил столько шума, и быструю отдышку, капрал слыл в страже едва ли не самым занудным служакой. Ну кому еще придет в голову карабкаться по высоким ступенькам, чтобы проверить одинокого часового, которому отсюда и деваться-то некуда? Слава Владетелю, стражник не принадлежал к его капральству, поэтому с капралом Дуром сталкивался не слишком часто. Лишь на воинских учениях на плацу либо когда, как сейчас, заступал в караул.

С трудом протиснувшись в узкий проем, капрал Дур буквально вывалился в коридорчик перед оружейной и шумно перевел дух. Охохонюшки... да-да, такие упражнения уже давно не для него. Но что ты будешь делать, если, почитай, самый важный пост во всем караульном наряде находится на такой верхотуре. Нет, изначально, когда крепость еще была крепостью, все было вполне разумно, ибо эта оружейная предназначалась для хранения оружия офицеров и арбалетчиков, поскольку как до галереи, так и до донжона отсюда было рукой подать. Так что в случае внезапной тревоги все, чье оружие хранилось здесь, забежали в оружейную и, вооружившись, следовали дальше, не делая никаких крюков и не совершая лишних пере-

ходов. Но ныне покойный герцог Эзнельмский довольно быстро приучил врагов и соседей к тому, что самым разумным в международных отношениях с герцогством будет совершенно оставить мысль о нападении и не совершать ничего, что вызвало бы неудовольствие герцога. Так что замок постепенно начал превращаться из грозной крепости в жилище просвещенного государя, окруженного многочисленной свитой. А это привело к тому, что помещений стало катастрофически не хватать. Все остальные оружейные, расположенные этажами ниже, малопомалу были переоборудованы в спальни, гостиные и даже, тьфу, и выговорить-то срамota, в туалетные комнаты. А эта – осталась. Ибо обитателям замка теперь уже совершенно не требовалось бежать сломя голову на верхушки башен и арбалетные галереи, да и ведущая сюда узкая винтовая лестница, устроенная прямо в толстенной стене донжона, была не слишком пригодна для передвижения в пышных нарядах и роскошных платьях. Так что в бывших стрелковых камерах и баллистных казематах оборудовали спальни для пажей, а оружейную забили оружием по самый потолок, снеся сюда все, что ранее хранилось в трех других. Вернее даже – лишь самое ценное из этого. А остальное пошло в переплавку.

Сказать по правде, капралу это не слишком нравилось. Однажды решив, что всё, времена изменились и стали более просвещенными, и ужаснувшись тому, сколько приходится платить за безопасность, достигаемую военным путем, люди с отвращением навсегда отворачивались от всего, что связано с войной и оружием, и посвящали жизнь наукам и искусствам. И сколько баронств, графств и герцогств вследствие этого оказывались поверженными в прах? Причем чаще даже не новыми и ранее неведомыми могучими врагами, а теми, кого их предки, не столь подверженные гуманизму и просвещению и, следовательно, по мнению своих потомков, погрязшие в темноте и дикости, держали в узде, не сильно напрягаясь. Капрал вздохнул. В последнее время его не покидало ощущение, что эти его мысли были не просто отвлеченными рассуждениями. Похоже, со смертью прежнего герцога герцогство Эзнельмское вступало именно в такие времена...

– Ну как тут дела? – недовольно буркнул он, окидывая часового придирчивым взглядом.

– Все в порядке, господин капрал! – браво отрапортовал стражник.

Дур шумно вздохнул, отер лицо и, грузно переваливаясь, двинулся в сторону бывшей стрелковой галереи. В принципе в его задачу входила только проверка часового у оружейной, но раз уж он все равно забрался на такую верхотуру, почему бы не осмотреться.

Выйдя на галерею, капрал окинул ее орлиным взором, который тут же зацепился за щуплую фигурку пажа, сгорбившуюся в оконной нише. Капрал несколько мгновений смотрел на него, а затем тихонько вздохнул. Да уж, не повезло парню... мало того что все свое детство провел, почитай, вдали от родного дома, так еще и жизнь теперь окончательно искалечена. Ну кому он нужен такой убогий? Ни отцу, ни домену, ни даже бабе. Впрочем, шансов на домен у него и без того было не слишком много. Насколько капрал помнил, младший сын барона Расдора был всего лишь четвертым в списке наследников. Ибо у нынешнего владельца имелись еще трое вполне крепких и здоровых сыновей, служащих ему надежной опорой и в брани, и в хозяйстве, и в пиру. А без домена какой бабе из благородных он теперь интересен? Да и, по правде говоря, не всякой служанке тоже... Впрочем, это совершенно не его дело. Капрал еще раз бросил взгляд вдоль коридора и, развернувшись на каблуках, двинулся в сторону винтовой лестницы. Теперь ему предстояла трудная задача – спуститься.

Однако не успел капрал дойти до ступенек, как из-за поворота лестницы послышалось шумное сопение, а спустя пару мгновений в проеме нарисовалось еще более дородное, чем у капрала, тело мастре Эшлиронта, замкового лекаря. Капрал едва заметно поморщился, но тут же натянул на морду крайне почтительное выражение и, насколько возможно вытянувшись во фронт, молодцевато отдал честь. Мастре Эшлиронт был в замке фигурой весьма влиятельной, хотя и не принадлежал к дворянскому сословию. Эта влиятельность была результатом того, что среди сонма придворных, околачивающихся в замке, существенную часть составляли

люди в возрасте, мучимые множеством пусть и не смертельных, зато хронических хворей. А мастре Эшлиронт проходил обучение в университете Гардида, очаге гуманизма и просвещенности, преподаватели которого уделяли большое внимание облегчению страданий больного (а по наблюдениям капрала, вообще только этому). Так что он весьма умело составлял мази, притирания и компрессы, снимающие суставные и ревматические боли, а также позволяющие легче переносить мигрени и подагру. Благодаря чему имел горячую признательность, в том числе и со стороны матушки покойного герцога. Но врачевать увечья или ранения мастре Эшлиронт не умел совершенно. Вот и тот паж, что маячил сейчас в окне стрелковой галереи, остался инвалидом лишь потому, что его сломанную ногу не заключили вовремя в лубки и переломанные кости срослись как ни попадя, перекрутив мышцы и оставив ногу полупарализованной. Да их полковой костоправ справился бы лучше...

Мастре Эшлиронт с трудом протиснулся в узкий проем и, шумно выдохнув, утер обильный пот рукавом своего роскошного камзола. Судя по засаленности рукавов, это движение было для мастре привычным.

– А-а, капрал, – шумно отдуваясь, небрежно приветствовал он Дура. – Как дела, никто из стражников не поранился?

– Владетель миловал, – отозвался капрал. – Здравствовать желаю, мастре Эшлиронт.

– Спасибо, капрал, – важно кивнул лекарь, – ваши бы слова да Владетелю в уши. – И после короткой паузы поинтересовался: – Слышали новость?

Капрал слышал много новостей, например, что баронесса Ганзельм опять беременна, и судя по всему, опять не от мужа, или что на конюшне ожеребились сразу три кобылы, или что главный повар велел выпороть поварят, которые расшалились и опрокинули в хлебное тесто полную солонку драгоценной соли мелкого помола, но угадать, какую из них имел в виду мастре, он не рискнул. Поэтому капрал счел за лучшее просто отрицательно мотнуть головой:

– Нет, мастре.

Лекарь важно надул щеки.

– Ходят слухи, что Владетель избрал-таки нового герцога.

– Вот как? – Капрал заинтересованно подался вперед, краем глаза заметив, что стражник-часовой сделал то же самое.

Покойный герцог не оставил прямого наследника, поэтому решение о том, кому достанется столь лакомый кусок, как герцогство, оказалось всецело в руках Владетеля. То есть если бы даже герцог и оставил наследника, решение, наследует ли он своему родителю, также оставалось бы в руках Владетеля, но в этом случае Владетель чаще всего поступал согласно традиции. Однако в этот раз никаких прямых наследников не было. Так что Владетель оказался совершенно не ограничен в своем решении. Даже традицией. Если, конечно, слово «ограничен» вообще было применимо по отношению к Владетелю.

– И кого же избрал Владетель?

Мастре Эшлиронт подбоченился:

– А вы, капрал, как думаете?

Капрал наморщил лоб. В принципе эта тема давно уже стала самой главной для обсуждения как в дворянских гостиных, так и в дворовых помещениях и в солдатских казармах. Все понимали, что от того, кто станет новым герцогом Эзнельмским, будет напрямую зависеть жизнь замка и герцогства. Основных претендентов было трое – виконт Балуаз, юный гуляка и бонвиван, маркиз Ажуален, напротив, господин весьма сдержанный и рачительный, и маркиз Газнемий, когда-то также слывший жуиром и гулякой, но в последние три года изрядно удалившийся в религию и отписавший Владетелю едва ли не половину своего состояния. Было еще около полудюжины претендентов помельче, но их никто особенно во внимание не принимал.

– Да откуда мне знать-то, мастре? – сыграл дурачка капрал. – Да и не нашего это ума дело. Куда уж нам до вас, человека важного и ученого, – слегка подольстился он к лекарю.

Тот довольно кивнул:

– Ну да, ну да... Герцогиня-мать тоже так считает. Потому и решила обсудить со мной последние известия. – Матре Эшлиронт сделал короткую паузу, во время которой умудрился еще сильнее надуть щеки и задрать подбородок. – Так вот, должен вам заявить, что все измышления этих тупиц и недоумков оказались посрамлены.

Под тупицами и недоумками, похоже, матре имел в виду вообще всех, кто хоть как-то обсуждал возможные варианты, особенно если они не слишком обращали внимание на попытки лекаря поучаствовать в подобных разговорах на равных.

– Новым герцогом станет... барон Ужаб.

– Спаси Владетель! – охнул капрал и невольно зажмурился.

Да-а-а, такого он не ожидал. Да что там он – такого не ожидал вообще никто. Барон Ужаб не значился в раскладах даже среди второй полудюжины. Третий сын двоюродной сестры герцога, прижитый ею, по слухам, от одного из бродячих циркачей, с первого же дня своей не слишком удачливой жизни отличался исключительными способностями вызывать в людях отвращение к себе. Тощий, долговязый, с редкими сальными и секущимися волосами, которые он отчего-то предпочитал не стричь, а, наоборот, отращивать до максимально возможной длины, с кривой усмешечкой, приклеившейся в углу рта, и с дергающимся левым веком. И это бы еще куда ни шло. В конце концов, не всем же быть красавцами и блистать породой. Есть много достойных людей, родившихся горбунами или, скажем, с ногой, которая на пядь короче другой. Мало ли сколько на твою долю отмерено милости Владетеля. Будь рад и этому и живи достойно. Но нет, барон посчитал, что обижен куда более других. И потому имеет право мстить всем и каждому за такую несправедливость в отношении своей особы. Причем мстил он грязно, мелко и в основном тем, кто не мог ответить. Зато не стеснялся присутствия тех, кто ответить был способен. И потому дом, который был выделен ему матерью, просто измучившейся жизнью рядом с таким чудовищем, довольно быстро перестал быть интересен даже тем, кто готов был вынести многое, лишь бы занять место поблизости от дворянина и смотреть ему в рот, по-мелкому шакаля и ожидая всевозможных подачек. Так что когда Ужабу исполнилось пятнадцать, его жизнь полностью сформировалась. Он жил в доме, стоящем на глухом отшибе, почти в одиночестве, всего лишь с двумя слугами, из которых один был немым горбуном, занимавшимся всем хозяйством – от закупки продуктов до обязанностей повара и кучера, а второй был умалишенным увальнем, основная задача которого заключалась в развлечении своего хозяина. По слухам, эти развлечения были немудреными, но довольно жестокими – от порки до прижигания конечностей раскаленными головнями. Но дурачок сносил все безропотно. С тех пор вот уже почти пятнадцать лет более никого поблизости от барона не наблюдалось...

И вот теперь, если слухи, принесенные лекарем, окажутся правдивыми, этот человек должен вскоре занять место нового герцога. Капрал еще раз качнул головой и тяжело вздохнул – да уж, свезло так свезло. Пожалуй, пора подумать о гражданской жизни. Капрал покосился на стражника, которого, судя по выражению его лица, одолевали точно такие же мысли.

– Ну да ладно, недосуг мне тут с вами рассусоливать, – резко оборвал размышления капрала слегка разочарованный голос лекаря. Эшлиронт ожидал от своего собеседника несколько другой реакции. В конце концов, он только что продемонстрировал этим тупицам, что он, матре Эшлиронт, – лицо значительное и информированное... – Меня вон пациент ждет. – С этими словами матре Эшлиронт развернулся и важно прошествовал в сторону галереи.

Капрал проводил его взглядом и, хмуря лоб, двинулся вниз по винтовой лестнице...

– Нуте-с, как наши дела, молодой человек?

Паж, сидящий на подоконнике, повернул голову и окинул матре Эшлиронта спокойным взглядом чистых, ясных глаз.

– Все в порядке, матре.

– Это хорошо, хорошо... – забормотал лекарь, наклоняясь и протягивая руку к больной ноге пажа.

Однако допустимый угол наклона его дородного тела оказался несколько меньшим, чем было необходимо для того, чтобы дотянуться куда-то ниже колена. Так что практически вся наиболее изуродованная часть ноги оказалась вне досягаемости толстых, похожих на сосиски пальцев мастре Эшлиронта. Лекарь на мгновение замер, не зная, что же делать, а затем досадливо сморщился и, небрежно пощупав коленную чашечку пажа, с облегчением разогнулся.

– Не болит?

– Нет, мастре, – отозвался паж.

– Вот, – лекарь наклонил голову и покопался в сумке, притороченной к поясу, – возьми, это настойка канитии луговой пополам с белым целемнитом. Если будет болеть...

– Спасибо, мастре, – скучающим голосом отозвался паж, – но у меня уже два ваших пузырька стоят с этой настойкой. Неиспользованных.

– Как это неиспользованных?! – оторопело переспросил Эшлиронт, недоуменно вытаращившись. Он в первый раз столкнулся с тем, что его пациент не употребляет назначенных им снадобий.

– Так не болит же... – пояснил паж.

Лекарь нахмурился. Да какая разница, болит или не болит? Если лекарство назначено – надо пить! Кроме того что всякое лекарство полезно организму, ты, строго следуя назначению, еще и повышаешь собственный статус, подчеркивая перед окружающими то, что принадлежишь к людям, которым доступны услуги докторов. И даже не только доступны, но еще и необходимы... Во всяком случае, все пациенты мастре Эшлиронта считали именно так. А подавляющее большинство их составляли люди разумные и многого в своей жизни достигшие. Ну не могли же они ошибаться?

– Так ты не пьешь моих снадобий? – грозно шевеля бровями, возвысил голос мастре.

Паж непонимающе смотрел на него.

– А зачем?

– Вот глупый мальчишка! – Лекарь побагровел. – Мои снадобья не только облегчают боль, но и оказывают благотворное воздействие на селезенку, в коей, как это совершенно точно установил профессор Адикам, и сосредоточена большая часть жизненной силы человека. Именно благотворное воздействие на селезенку ускоряет выздоровление.

– Так у меня ведь все уже зажило и срослось, – отозвался паж, – только неправильно. Вон как ступню перекосило, – он вздохнул, – верно, наново ломать придется...

– Что-о-о? – Мастре Эшлиронт даже опешил. Этот... сопляк посмел в его присутствии пропагандировать самые гнусные предрассудки, свойственные деревенским знахаркам и безграмотным полковым костоправам, с темнотой и дремучестью которых следует не жалея сил бороться каждому истинному ученому! – Да ты понимаешь, что говоришь, бестолочь?

Паж недоуменно воззрился на раскисившегося лекаря.

– Сам господин Эжервал, великий ученый и естествоиспытатель, установил, что природа человеческого организма не предусматривает никаких неправильных срастаний. Наоборот, кости после поломки следует возложить в возможно большей свободе, дабы не затруднять естественные циркуляции природных эфирных токов. Твоя нога срослась так, как и должно было произойти вследствие ее природы. И ежели ты не научился ею пользоваться, это результат твоей собственной лени и привычки к безделью. – Мастре Эшлиронт наставительно вскинул палец к носу пажа. – Запомните, юноша, природа сама знает, что лучше нашему организму, и долг каждого ученого всемерно способствовать естественному, природному течению выздоровления. Понятно?

Паж несколько мгновений всматривался в мастре Эшлиронта каким-то странным, совсем не юношеским взглядом, какового у столь молодого человека просто не могло быть, потом медленно кивнул:

– Конечно, мастре.

– Тогда возьмите и немедленно начинайте принимать, – сварливо завершил разговор мастре Эшлиронт. – Я назначаю вам двойную, нет, тройную дозу снадобья.

– Но... вы же сами говорили, что долг ученого – способствовать естественному, природному...

– Боль не есть естественное состояние организма. Поэтому всемерное облегчение боли как раз и является целью любого настоящего врача-ученого. Именно на борьбу с нею и должны быть направлены все его силы и умение, – вновь наставительно произнес лекарь, а затем, осердившись, заворчал: – И прекратите пререкаться. Мне лучше знать, что вам должно делать, а что нет. Извольте неукоснительно выполнять мои предписания, или я немедленно доложу герцогине-матушке, что вы отказываетесь следовать моим рекомендациям и посему я вынужден снять с себя всякую ответственность за ваше самочувствие.

Паж некоторое время продолжал смотреть на мастре этим своим неюношеским взглядом и наконец просто отвел глаза.

– Вам понятно, молодой человек?

– Да, мастре.

– Так я могу быть уверенным, что вы последуете моим рекомендациям?

– Непременно, мастре.

Лекарь покачал головой, протянув пажу флакон с целебным настоем, развернулся и двинулся в сторону винтовой лестницы. Нет, матушка-герцогиня, конечно, святое существо, просто переполненное заботой о страждущих и больных, но ему, мастре Эшлиренту, ее заботы часто выходят боком. Подумать только, он просто измучился, взбираясь на этакую высоту по столь неудобной и тесной лесенке, и все для того, чтобы облегчить страдания юного пажа, а этот молодой сопляк вздумал поучать его, его, единственного во всем герцогстве обладателя диплома Гардидского университета, как ему лучше лечить! И куда катится мир?..

Стражник проводил мастре Эшлиронта почтительным взглядом, сохранявшим, впрочем, почтение лишь до тех пор, пока спина лекаря не заняла всю входную арку. Затем взгляд сделался откровенно насмешливым. Слава мастре как лекаря, к которому не стоит обращаться при любой мало-мальски серьезной травме, уже давно и прочно утвердилась в солдатских казармах. Поэтому взгляд стража, направленный в спину мастре, самому мастре сейчас бы точно не понравился.

Едва раскаты эха от шумного сопения лекаря, доносящиеся с лестницы, утихли, как из галереи послышался стук костыля. Стражник повернул голову. Спустя пару мгновений из-за поворота коридора возник мальчишка-паж. Он остановился и несколько мгновений смотрел в арку винтовой лестницы, а затем перевел взгляд на стража.

– Солдат...

– Да, ваша милость? – Несмотря на учтивые слова, с каковыми и должен отзываться простой солдат на обращение пусть юного, но дворянина, тон, которым они были произнесены, отнюдь не был учтивым. Стражник отозвался небрежно, с этакой ленцой.

– У вас в казарме есть костоправ?

Стражник заинтересованно воззрился на пажа. Это что же, их милость решил отвергнуть уход дипломированного специалиста и обратиться к полуграмотному полковому костоправу? Чудны дела твои, Владелец.

– Есть... вроде как.

– Что значит вроде как?

– Ну... вправлять кости он вроде как умеет, но официально он простой стражник. Без дипломов и патентов.

– Мне такой и нужен, а то эти местные ученые... – неопределенно хмыкнув, пробурчал паж и, окинув взглядом стража, спросил: – Можешь привести его ко мне в комнату сегодня вечером?

– Э-э-э, ваша милость, – замотал головой страж, – это никак невозможно. Нашему брату в эту часть замка доступа нет, ежели только не по службе.

– Вот как... – Паж задумчиво прикусил губу. – А где этот ваш костоправ обычно принимает?

– Дык на конюшне, где ж еще? У старины Гыма никаких собственных апартаментов отродясь не бывало. А в казарме, окромя нар да пары лавок, никакой другой мебели и нет. Совсем ранетого положить негде.

– Угу, – кивнул паж, размышляя о чем-то.

Страж заинтересованно пялился на молодого барыча. Неужто тот собирается позволить себе кости ломать? Оно так по уму-то и верно, но это ж какую боль пацану терпеть придется. Да и непонятно, будет ли с этого толк. Эвон как ногу-то перекрутило, да и ходит молодой дворянчик, ногу подволакивая. Совсем, видно, та не двигается.

– Вот что, солдат, хочешь заработать серебряный?

– Так ведь кто ж этого не хочет? – оживился стражник.

– Тогда передай этому вашему старине Гыму, что мне нужно ногу сломать. А затем по новой ее срастить. Чтоб я мог на своих двоих ходить, а не с костылем да по стеночке.

– Передать-то можно, – протянул страж, настойчиво сверля взглядом пажа, – отчего ж не передать.

Но тот не поддался на разводку. Лишь усмехнулся и качнул головой:

– Вот-вот, передай. А как принесешь мне ответ, когда и где ваш костоправ согласится меня попользовать, тогда и получишь свой серебряный.

Паж повернулся и, неторопливо ковыляя, исчез за углом, мерно стуча костылем.

Стражник некоторое время прислушивался к удаляющемуся и становившемуся все глуше и глуше стуку, затем заскрипела дверь, и все стихло. Стражник недовольно поморщился, сдвинул шлем на затылок и почесал лоб. Эк барыч все повернул – теперь ему, чтобы заработать свой законный серебряный, надобно не только передать старине Гыму просьбу, но еще и уговорить того заняться этим делом. Впрочем, это было не слишком сложно. Старина Гым был мужчиной покладистым и, как любой мастер, получал от своего умения не только прибыль и уважение, но и истинное удовольствие. Так что достаточно пары кружек сидра, и дело можно будет считать сделанным. От этих мыслей страж заметно повеселел и принялся теперь уже планировать, как и на что потратит заработанный серебряный. Впрочем, особых забот это планирование ему не доставило. Ну на что еще может солдат потратить свалившиеся на него деньги, как не на трактир? Так что все планирование свелось к тому, чтобы решить, в какой из трактиров идти и кого звать. А и по первому вопросу, и по второму все планы стражника были составлены уже давно и прочно...

2

– А-а-а!!! – Грон откинулся на спину и судорожно вздохнул. От дикой боли его едва не вывернуло наизнанку.

– Вы уж потерпите, ваша милость, – прогудел над ухом густой бас, – а то вот возьмите кляп-то. Я вчера свеженький вырезал, березовый. Его, ежели чего, и погрызть вполне...

Грон послушно разинул рот, и тут же ему в зубы ткнулась сухая струганая деревяшка. Грон стиснул челюсти и некоторое время лежал так, не шевелясь и закрыв глаза.

– Ну как, отошли малеха? – вновь прогудел тот же голос. – Продолжать-то можно?

Грон сделал еще несколько вдохов-выдохов и медленно кивнул. Спустя мгновение его правую ногу вновь захватили сильные пальцы, а затем...

– Мы-ы-ы-ы!!!!

На этот раз вопль прозвучал гораздо глуше. Но это было исключительной заслугой кляпа. Потому что голосовые связки Грона в этот раз работали ничуть не меньше, а как бы даже и не больше, чем в первый. Впрочем, вопли еще слегка заглушал хруст ломаемых костей.

– Вы кляп-то погрызьте, погрызьте, ваша милость, – вновь прогудел знакомый бас. – Береза – дерево сладкое, вреда от него организму никакого, одна польза. Я из Ставорья, так там у нас по весне, как первые прогаины появляются, и стар и млад с бадьями в лес идут. Березового соку набрать. Очень вещь полезительная...

Голос бормотал, убаюкивая, и Грон почувствовал, как его глаза закрываются сами собой. Что было вполне объяснимо. Перед началом процедуры старина Гым влил в него два литровых кувшина сидра.

– Мы-ы-ы-ы!

Это было нечестно! Он только собрался задремать.

– Да и все уж почти, ваша милость, – вновь прорезался голос старины Гыма, – вот тут только чутка...

– Мы-ым!

– Вот и ладненько! – На этот раз голос прозвучал уже не успокаивающе, а удовлетворенно. – Эк вас покорежило-то, совсем жилы пережало. Отмирать начали. Оттого-то и нога не слушалась. Ну да ничего, мы их сейчас лезвием-то почистим.

– Ым!

– Вы уж терпите, ваша милость...

– Ым!

– А то от моего костоправства никакой пользы не будет...

– Ым!

– Окромя внешней красоты...

– Ым!

– Нога-то так и не заработает...

– Ым!

– Ну вот и все! – Костоправ разогнулся и, покосившись за спину, рявкнул: – Шыг, корпию давай и тряпки. Вон кровищи-то натекло... И лубки готовы. Да не энти! Энти их милости будто кандалы будут, с ними еще похлеще ногу искалечить можно, вон те давай, легкие, буковые. А ты, Азар, чего стоишь столбом? Видишь, их милость весь взопрел? Вытри ему рожу-то!

Грон попытался выплюнуть деревянный кляп, но зубы так сильно вонзились в древесину, что справиться только лишь губами и языком не удалось. Пришлось помогать себе руками.

– А вы, ваша милость, молодцом, молодцом... у меня и покрепше мужики с досок спрыгивали и пытались деру дать. Токмо теперь вам надобно полежать. С седмицу, не менее. До того времени ногу лучше не тревожить.

– Спа... спасибо... Гым... вот... – Грон облизал пересохшие губы и потянулся рукой к кошелю, специально привязанному под мышкой.

– Да ладноть, чего уж там... что можем, то можем. Вы лучше скажите, куда вас отнесть-то теперь. Потому как наверх вас теперича никак не отволочь, в спаленку-то вашу. Там лесенка уж больно крутая и узкая.

– Я... здесь... полежу... на конюшне.

– На конюшне. – Костоправ задумчиво почесал в затылке. – А и верно. Нонича никаких охот да променадов точно устраивать не будут, ну покамест новый герцог не объявится, а я за вами тут присмотрю.

Грон наконец выудил из кошеля нащупанный золотой толар и несколько монет медью.

– Вот, это тебе и... остальным.

– А им-то за что? – удивился костоправ.

– За помощь.

– Так ведь это ж мои помощники, мне из своей оплаты им и долю выделять.

– Все равно... пусть...

– Ну тогда благодарствуем, – не стал отказываться костоправ. – А ну-ка, Азар, Шыг, аккуратненько взяли их милость и перенесли вон туда... да не на сено ложите, бестолочь! Сейчас ногу надо на твердом держать, на твердом. Чтобы косточки правильно срослись!..

Так, под добродушное ворчание старины Гыма, Грон и задремал...

Две жизни назад он появился на свет под именем Казимира Яновича Пушкевича. В четырнадцать лет он потерял всю семью и оказался ввергнутым в горнило самой страшной из боен, когда-либо устроенных человечеством. Пройдя всю Вторую мировую войну и выжив, он стал известен всем разведкам мира под агентурной кличкой Клыки, которая наилучшим образом отражала его внутреннюю сущность. Европа, Азия, Африка и обе Америки хранили следы его подошв. Он был бойцом, бойцом до мозга костей, бойцом, не знавшим, что значит не выполнить задачу либо потерпеть поражение. За это ему прощалось многое. Причем не только начальниками, но и самой судьбой. Так что когда он, уже глубоким стариком, вступил в свою последнюю схватку, в которой по любым логическим раскладам не был способен победить, судьба выбросила ему новый шанс. Шанс на вторую жизнь. Правда, уже не на Земле, а в другом мире, переместив его сознание в тело недоразвитого четырнадцатилетнего паренька, подвизавшегося на побегушках в припортовой гряде на острове Тамарис. Тот мир был чист и свеж, как Земля во времена Древних Греции и Рима. Но это не было predetermined обычной логикой развития. Просто некто, именуемый Творцом и входивший в пантеоны всех религий того мира, а на самом деле являющийся всего лишь чрезвычайно сложным искусственным устройством, регулярно, с периодичностью где-то раз в тысячу лет, устраивал глобальный катаклизм сродни Всемирному потопу, стиравший с лица того мира цивилизацию, которую люди успели создать за время, прошедшее с предыдущего катаклизма. А за тем, чтобы этот порядок оставался неизменным, наблюдала специальная организация, именуемая Орденом.

Орден обладал кое-какими технологическими возможностями, частично недоступными даже цивилизации, стоявшей на лестнице технологического развития намного выше той, из которой вышел Казимир Пушкевич, в новом мире принявший имя Грон (уж больно сильно привыкло к этому прозвищу его новое тело). Например, они обладали возможностью засекать факт переноса разума. И справедливо предполагая, что пришельцы из чужого мира никак не будут способствовать сохранению стабильности, тут же открывали охоту на прибывших. Более пятидесяти тысяч лет, пятьдесят Эпох, эта охота неизменно оказывалась успешной. Но не в этот раз...

Грон не только выжил, расправившись со всеми, кто за ним охотился, но и принял вызов, объявив войну Ордену. И затряслась земля от мерного шага огромных армий, и забурлило море, взбаламученное тысячами весел, и закрошились камни, разбиваемые в песок тысячами

кованных лошадиных копыт, и... исчез в пламени атомного взрыва Остров, местообиталище Творца, и рухнула Скала, хранившая в своих недрах могущественное Око. Так окончил свою жизнь Великий Грон, Командор легендарного Корпуса, тот, перед кем склонились люди и боги... Окончил, чтобы очнуться в изуродованном теле юного пажа, в новом мире, внешне совершенно отличном от того, который он только что покинул, но, как Грон теперь понимал, скованном столь же кандалной неизменностью. Здесь никто не слышал о Творце, но мир был ничуть не менее неизменен. И виной этому были Владетели...

– ...Владетеля милостивого и всемогущего!

Грон проснулся оттого, что за стеной возносили молитву Владетелю. Некоторое время он лежал, прислушиваясь к мерному песнопению, а затем приподнял голову и скосил глаза вниз, рассматривая ногу. За ночь тряпки, которыми была обмотана его нога, изрядно пропитались кровью, но вскоре должен был прийти Гым и сделать перевязку. Грон опустил голову на пук соломы, который вчера вечером Шыг подоткнул ему под затылок, и задумался. Первый шаг его планов по обоснованию в этом мире он вчера сделал. Да уж, шаг, мать его... Впрочем, столь удачное, как он теперь понимал, его появление в прошлом мире было скорее всего как раз исключением из правил. После первого переноса для мало-мальского анализа параметров данного явления было явно недостаточно данных, но теперь можно уже кое-что прикинуть. Итак, перенос сознания осуществляется в момент смерти человека, если при этом ему на голову надет некий артефакт с условным названием Белый Шлем. Внешний вид и возможности этого артефакта в различных мирах если и не идентичны, то очень похожи. Это позволяет сделать вывод, что данный артефакт создан кем-то, кто знает о существовании того, что Люй назвал Змеем миров, и способен в какой-то, пока непонятной, мере на них воздействовать. Сам перенос осуществляется в тело подростка четырнадцати-пятнадцати лет, находящегося в бессознательном состоянии... Все? В общем-то да. То есть, возможно, некоторые выводы не совсем корректны. Например, можно предположить, что половая принадлежность нового носителя не является жестко мужской, а задается половой принадлежностью лица, использующего Белый Шлем, но для его частного случая это несущественно. А теперь представьте, в каком состоянии должно находиться тело крепкого пятнадцатилетнего пацана, если он сам при этом без сознания... То-то. Так что можно сказать, ему еще крупно повезло. При современном уровне развития медицины этого мира вообще можно благодарить бо... вернее, хм, Владетеля, что он все еще жив и даже вроде как с ногами. Вроде как – потому что узнать, насколько лечение полкового костоправа оказалось эффективнее, чем забота герцогского лекаря, можно будет еще очень не скоро...

– Ну как вы тут, ваша милость?

Грон повернул голову. Гым стоял у входа в денник, в котором он вчера и пользовал юного пажа.

– Я тут вам каши принес. Не ваши разносолы, конечно, но не побрезгуйте – горяченькая, с маслом. Вам сейчас кашка – самое оно.

– Спасибо, Гым.

– Давайте-ка я вам сейчас соломы под спинку подоткну, чтоб сидеть легче было, – заботливо пробормотал костоправ, ставя котелок и опускаясь на одно колено.

– Может, лучше сначала ногу посмотришь?

– Пока буду смотреть – остынет, – резонно ответил старина Гым, – да и смотреть тут нечего. Я уже и сейчас вижу, что все в порядке. То есть крови, конечно, натекло, вона тряпки все заскорузлые, но так оно все и должно быть. Так что ешьте на здоровьишко, а уж как поедите, я вашей ногой и займусь.

Грон молча кивнул и, подхватив котелок, поднес его к лицу. Вдохнул пар и мгновенно почувствовал, как рот забило слюной. Это был хороший знак. Похоже, его организм действи-

тельно повернул на выздоровление, с юношеской жадностью расходуя на это бурные молодые силы.

– А вот и ложка! – довольно отозвался Гым, несомненно уловивший голод пациента и расценивший его совершенно так же.

Грон покосился на его довольное круглое лицо и взял протянутый столовый прибор. Прибор был под стать хозяину – раза в полтора больше обычного, оловянный и с изрядно погрызенным краем.

Покончив с кашей, Грон поставил котелок, тщательно облизал ложку, вытер ее рукавом своего камзола и протянул хозяину. Костоправ удовлетворенно кивнул и, завернув ложку в чистую тряпицу, засунул ее за голенище сапога.

– Ну а теперь уж посмотрим и вашу ногу.

С ней было все в порядке. Гым отодрал присохшие тряпки, осторожно обмыл ногу и удовлетворенно кивнул:

– Подживает все. А ну-ка, ваша милость, пошевели пальцами... А мизинцем? Хм, вот незадача. Похоже, та жила, что к мизинцу тянется, совсем отмерла. Ну да ее уж... – Костоправ выудил из подкладки своего колета длинную иглу и, оглядевшись, подгреб поближе к себе пук соломы. Он сноровисто свернул солому в жгут, ловко щелкнув огнивом, подпалил его и хорошенько прокалил иглу. – Я, ваша милость, тут немного иглой потыкаю, – сообщил он Грону, – надо, чтобы все те жилы, что мы вчера на свои места вернули, вновь чувствовать начали. А то все зазря будет.

Грон понимающе кивнул. Стимуляция нервов, грубоватая, правда, и болезненная, ну да откуда они здесь могли...

– Ы-ый!

– Эт хорошо, значит, жилы оживать начали, – удовлетворенно пробурчал себе под нос костоправ.

– Ый, ы-ый!

– Не волнуйтесь, ваша милость, теперь точно могу сказать: еще побегаете...

На конюшне Грон провел почти две недели. Когда он, все еще держась за стенку и подволакивая ногу, но уже без костыля, сумел наконец-таки забраться на свою верхотуру, его встретили недоуменные возгласы соседей по спальне.

– Собол, ты где пропадал? Матре Эшлиронт о тебе уже дважды справлялся. И сильно сердился.

Грон, из которого вся эта дорога наверх высосала все силы, с шумом рухнул на свою кровать и вытянул ногу.

– Чтоб ему пусто было, – пробурчал он себе под нос, – этому матре Эшлиронту.

Тай и Борнус, с которыми он делил спальню, переглянулись и весело прыснули.

– Ну в этом-то мы с тобой согласны. Но если он нажалуется матушке-герцогине, жди неприятностей.

Грон искривил губы в легкой усмешке. Да уж, непременно... и рассмеялся. И все-таки, несмотря ни на что, здорово вновь оказаться в юном теле и в статусе подростка. Когда самая большая неприятность, которая тебя волнует, – это неудовольствие матушки-герцогини... И Тай с Борнусом тоже подхватили его смех, хотя и не очень понимали, чем он вызван. Впрочем, в этом возрасте, для того чтобы смеяться, совершенно не нужно никаких особенных причин.

– Так ты к костоправу ходил, что ли? – поинтересовался Борнус, заинтересованно поблескивая влажными глазами, на которые уже засматривалась не одна придворная дама.

Грон молча кивнул.

– Слушай, Собол, а больно было?

Грон неопределенно пожал плечами. Как тут ответишь-то, если Соболю – то больно аж жуть, а если Грону – то и не слишком. Больнее бывало. Да и вообще он чувствовал некоторую раздвоенность. Все знали его как Собола ад Градана, младшего сына барона Расдора, но сам он воспринимал себя именно как Грона. Притом в полной мере пользуясь памятью и навыками Собола. Причем, похоже, прозвище Грон, которое он приобрел в предыдущем мире, оказалось как-то слишком уж сильно сцеплено с его новой, объединенной сущностью, потому что, скажем, Казимиром Пушкевичем он перестал считать себя довольно быстро. Едва ли не мгновенно. А обращение Собола буквально с первого же момента, когда он пришел в сознание, вызывало у него стойкое неприятие. Нет, он вполне спокойно отзывался на него и пользовался им, но скорее как псевдонимом, *быть* же ему хотелось по-прежнему именно Гроном. Конечно, существовала возможность принять его старое имя как прозвище, но в связи с этим существовала определенная трудность. Люди получают прозвища, которые нечто означают, например Кремень или Лысый, ну или, скажем, Белый либо Говорун. Да мало ли у людей прозвищ... Но в этом мире и на этом языке слово Грон представляло собой бессмысленный набор звуков, не означающий ничего.

– Слушай, а ты успеешь выздороветь к приезду нового герцога? – прервал его размышления Тай.

– А когда он приезжает?

Борнус и Тай снисходительно переглянулись.

– И в какой дыре ты торчал все это время? Всем уже давно известно, что он приезжает на день Пречистого Владетеля Фараила.

Грон наморщил лоб:

– Так это ж через седмицу!

– Ну да.

Грон насупился:

– Не знаю, может, и успею, но, наверное, вряд ли.

Тай разочарованно покачал головой:

– Жалко... говорят, Владетель пожаловал ему целую сотню Безымянных.

– Насовсем?! – изумился Грон.

Безымянные считались личными слугами Владетеля. Насколько Грону удалось раскопать в памяти Собола, они были чем-то вроде зомби, но не мертвыми, а живыми. Люди, из которых каким-то непостижимым образом удалили их личность, индивидуальность. Они были чрезвычайно послушны, великолепно обучаемы, слабо чувствительны к боли, что делало их изумительными слугами, совершенными воинами, но вот только назвать их людьми никто бы не осмелился...

– Ты что, совсем того? – удивился Тай. – На время коронации. А то у нас тут ходили слухи, что нового герцога не очень-то и жалуют.

– Не очень-то... – фыркнул Борнус, – скажешь тоже. Все просто терпеть его не могут. Половина стражи уже расчет попросила. Тавга, Журия и Бону домой поотзывали. Да и среди девчонок-фрейлин тоже целый переполох.

Вечером, уже лежа в постели, Грон вновь перебрал в уме свои ближайшие и дальнейшие планы. Составил он их на следующий день после того, как очнулся в теле Собола ад Градана. Во-первых, ему предстояло выжить, во-вторых, занять в этом мире некое довольно спокойное место, и в-третьих, отыскать Белый Шлем. Если уж судьба так распорядилась, заканчивать свое существование в этом, на его взгляд, не слишком-то гостеприимном мире как-то не хотелось. Любопытно было дойти до конца того, что можно было условно назвать дорогой Белых Шлемов, и посмотреть, что там окажется. Но вновь взваливать себе на плечи непосильную задачу изменения этого мира он не собирался. Пусть в этом все идет так, как идет...

Буря разразилась на следующий день, когда мастре Эшлиронт добрался-таки до его спальни. Увидев, что ступня юного пажа теперь смотрит туда, куда ей и положено смотреть, он закатил бурный скандал, грозя послушнику всеми мыслимыми карами. Однако подостыв, он осмотрел его ногу и, поджав губы, признал, что, в общем, так совсем не хуже. А когда Грон подольстился к лекарю, заявив, что все это время усердно пил его снадобья и совершенно не сомневается, что именно они, а отнюдь не костоправ, и послужили благотворному изменению его состояния, мастре Эшлиронт даже немного сменил гнев на милость. И выдал послушнику еще один флакон собственного зелья. Который Грон, едва за мастре Эшлиронтом закрылась дверь, благополучно отправил за окно вслед за первыми тремя.

Следующие несколько дней Грон провел относительно спокойно. Несмотря на то что замок был охвачен приготовлениями к встрече нового герцога и все пажи носились как угорелые, паж Собо́л ад Градан считался больным и потому никуда не привлекался. Занятия тоже были отменены, поэтому большую часть времени Грон проводил в своей спальне, лежа в постели либо сидя у окна. Выздоровление шло довольно быстрыми темпами, и в принципе можно было уже потихоньку начинать разминать мышцы. Тело ему досталось неплохое, хотя до физических кондиций тела мальчика из груды, доставшегося Грону в предыдущем мире, ему было далеко. Обычное тело пятнадцатилетнего мальчика из мира, где владение оружием, умение переносить нагрузки и совершать длительные вояжи на лошадях в иерархии ценностей стояло гораздо выше грамотности и умения считать. Хотя это Собо́л ад Градан умел тоже. Покойный герцог Эзнельмский держал для своих пажей не только учителя словесности, в обязанность которого в первую голову входило обучение юношей даже не столько грамоте, сколько одному из рыцарских искусств – стихосложению, но и ученого философа (должность коего так и именовалось – ученый философ, ну типа дрессированный попугай...). А в эти времена и в этом мире сия должность непременно включала в себя знание великих наук – арифметики и геометрии. Остальное было как обычно, как и во всех остальных замках – фехтование, вольтижировка, уход за лошадьми и оружием и тому подобные науки. Но после смерти герцога занятия проводились от случая к случаю. А когда стало известно, кого Владелец избрал новым герцогом, так и вообще прекратились. Во многом из-за того, что часть учителей попросту затребовали расчет и покинули замок. Так что беспокоить Грона было совершенно некому. Но к концу недели он основательно заскучал.

Прибытие нового герцога Эзнельмского было обставлено крайне торжественно. Несмотря на то что нога все еще не до конца зажила, Грон рискнул-таки спуститься во внутренний двор и занять место на пролете одной из лестниц. Новоиспеченный герцог прибыл в свою столицу еще прошлым вечером и остановился в одном из самых богатых постоялых дворов «У коромного петуха». В принципе он въехал в городские ворота за три часа до заката, и ничто не мешало ему сразу же направиться в замок, тем более что торжественная церемония встречи уже была подготовлена и все, кто был в ней задействован, даже успели занять свои места. Но герцог отчего-то решил переночевать на постоялом дворе, отправив гонца с требованием подготовить торжественную встречу к следующему полудню.

Зрители заполнили все окна и балконы уже за час до полудня. За полчаса до назначенного срока дорогу к замку и ковравую дорожку, раскатанную во внутреннем дворе, обрамили шпалеры герцогских стражников, облаченных в ярко начищенные кирасы и шлемы. Пространство между стражниками и стенами, обрамляющими внутренний двор, заполнили толпы празднично одетых придворных и горожан. В бойницах надвратных башен и между зубцами стен вывесили флаги. А на центральном балконе, расположенном над парадным входом во дворец, занял место оркестр. Все было готово.

Карета герцога выехала к воротам замка через час после полудня, хотя от постоянного двора, на котором он соизволил провести ночь, до замковых ворот было от силы двадцать

минут неспешным шагом. Отчаянно скрипя колесами, карета вкатилась внутрь центральной воротной башни и спустя несколько мгновений выкатилась во двор замка. Грянул оркестр, заполнившая двор толпа разразилась громкими приветственными криками, стражники вытянулись во фрунт. Карета остановилась. Все замерли, жадно пожирая глазами закрытые дверцы. Несколько мгновений ничего не происходило, а затем из-за занавески высунулась худая, вялая, похожая на снулую рыбину рука. Рука пошевелила пальцами. Старик-сенешаль торопливо подскочил, придерживая болтающиеся у пояса ножны со своим семейным мечом. Из-за занавески что-то сказали. Сенешаль изумленно встопорщил усы.

– Но, ваша светлость, как же...

Рука втянулась внутрь, и занавеска вновь задернулась. Сенешаль растерянно огляделся, затем откашлялся и зычно выкрикнул:

– Капитан!

– Да, ваша милость. – У левого плеча сенешаля тут же возникла рослая фигура капитана замковой стражи.

– Его светлость повелел убрать... – Сенешаль запнулся, как будто ему было трудно выговорить дальнейшее, но довольно быстро взял себя в руки и твердо продолжил: – Убрать все старые знамена.

– Старые? – переспросил неверяще капитан. Желтый с зеленым были цветами герцогства Эзнельмского уже чертову тучу поколений.

– Да. Владелец пошел навстречу нашему герцогу и изменил цвета Эзнельма. Теперь наши флаги будут... – Он запнулся и ошеломленно уставился на фигуры, в колонну по пять выходившие из распахнутых ворот.

Они шли молча, не кидая по сторонам горделивые взгляды, не подкручивая усы и не подбочениваясь, как обычно это происходит, если в город или в замок входит воинское подразделение. Нет, они шли в ногу, мерно передвигая конечности, с лицами, больше всего напоминающими посмертные маски. Но самым главным, из-за чего толпа, заполнившая двор, ошарашенно вздохнула, было не это. Самым главным было то, что первая шеренга несла в руках. Это были знамена. Они были черными. А посередине черного полотнища злобно скалил зубы волосатый череп...

– Да, удружил Жаб, нечего сказать, – уныло произнес Борнус, когда они поднялись в спальню после пышного, но прошедшего весьма уныло торжественного приема и последовавшего за ним ужина.

Тай и Борнус прислуживали за столами, а Грон наблюдал за всем происходящим с верхней галереи. Гостям явно было не по себе, поэтому все торжества завершились довольно быстро, уже к вечерним сумеркам, не затягиваясь, как это было при прежнем герцоге, далеко за полночь. Так что Борнус, прислуживавший у стола, где сидели купеческие старейшины, освободился довольно рано, и они с Гроном поднялись в свою спальню, не став дожидаться Тая – тому выпала честь прислуживать за герцогским столом, за которым все еще продолжалось пиршество.

– Теперь над нашим герцогством вся северная марка потешаться будет.

– И никто не будет, – примирительно отозвался Грон. – Это же Владелец знамя даровал. Ну кто посмеет потешаться над Владетелем?

– Ну и что, что даровал? Жаб же сам пожелал...

С первой же минуты пребывания нового герцога в замке его никто иначе, как Жабом, уже и не называл. Хотя внешне он напоминал скорее глыбу. Бледный, с унылым лицом и кривой усмешечкой. Вернее, ему больше подходила характеристика, которую Грон еще в бытность Казимиром Пушкивичем как-то прочитал на стенде «Их разыскивает милиция» в местном райотделе. Там вывешивались ориентировки с крайне некачественными фотографиями и изложенными казенным птичьим языком словесными портретами. Вот в одной такой ориен-

тировке полковник Пушкевич однажды и прочитал нечто типа: «Рост средний, телосложение щуплое, волосы редкие, глаза серые, водянистые, общее впечатление – гнида». И сия характеристика как нельзя лучше обрисовывала впечатление, формирующееся у человека при взгляде на нового герцога Эзнельмского.

– Нет, это ж надо было додуматься поместить на знамена волосатый череп. Он бы еще Костяную корову туда намалевал.

Костяная корова, как, впрочем, и волосатый череп, были персонажами крестьянского фольклора. Первая олицетворяла собой падеж скота, а второй – мор. Барон Ужаб был в своем репертуаре.

– Тебе-то хорошо, – вздохнув, покосился на Грона Борнус, – тебя отец у Жаба теперь точно не оставит. А нам куда деваться?

Это предположение имело право на жизнь, ибо особого смысла в пребывании младшего сына барона Расдора в замке герцога Эзнельмского (особенного такого) более не было. Вряд ли у новоиспеченного герцога существовали какие-то воинственные планы в отношении Расдора, а самому Расдору, судя по доходившим оттуда известиям, тоже было не до свар с герцогством. В той неудачной войне Расдор потерял слишком много воинов и все никак не мог оправиться. Так что пребывание Собола в замке превратилось в некую формальность еще при старом герцоге, и он продолжал оставаться в замке скорее по привычке и заключенному уговору, чем по какой-то разумной необходимости. Но новый герцог никаких уговоров с Расдором не заключал, а привычки, судя по сцене его появления в замке, у него тоже были другие. Так что по всему выходило, что Соболю скоро придется паковать вещи. А вот Борнус в отличие от Собола был сыном барона – вассала герцогства, да еще и наследником, и деваться ему было совершенно некуда.

– Ничего, тебе всего шесть месяцев до посвящения, скоро тоже уедешь, – утешил его Грон.

– Скорей бы, – уныло отозвался Борнус.

– Эй, ребята, вы видели?! – возбужденно заорал Тай, врываясь в спальню. – На посту у оружейной выставили Безымянного.

– Что?! – сотрясли стены спальни два слившихся изумленных возгласа.

Борнус вскочил и бросился к двери, ведущей на стрелковую галерею. Грон последовал за ним со всей скоростью, на которую был способен.

Он добрался до поворота к лестнице, когда Тай и Борнус уже успели все рассмотреть и, спрятавшись за углом, возбужденно обсуждали увиденное.

– А ты видел...

– А у него вот такой кинжал...

– А наплечники из волчьего сплава видел...

– А набойки на каблуках...

Грон несколько мгновений прислушивался к этому обмену репликами, но затем любопытство, возбужденно бурлившее в крови пятнадцатилетнего подростка, взяло верх, и он, вытянув шею, осторожно заглянул за угол. Безымянный неподвижно, будто статуя, стоял у дверей оружейной. Совершенно спокойный взгляд его неподвижных глаз был устремлен на арку винтовой лестницы. Грон несколько мгновений напряженно разглядывал Безымянного, а затем за его спиной послышалось сдавленное хихиканье, и четыре крепких мальчишеских кулака толкнули его в спину, отчего его буквально вынесло в коридорчик, и он оказался в паре шагов от неподвижной статуи Безымянного. Грон замер. Несколько мгновений ничего не происходило, а затем Безымянный медленно повернул голову и... втянул носом воздух, будто принюхиваясь. Грон рефлекторно сглотнул (вернее, это была реакция тела пятнадцатилетнего подростка, в котором он находился). А Безымянный внезапно согнулся в поясе, отвешивая ему глубокий поклон, и громким, но лишенным всякого выражения голосом произнес:

– Повинуюсь, господин...

3

Грон проснулся от крика петуха. Он разлепил глаза и ошалело повел головой. Судя по громкости крика, петух должен был находиться где-то в районе подмышки, ну, в крайнем случае на расстоянии вытянутой руки. Но, кроме лошадей, поблизости никого не было. Грон блыкнул глазами и повернулся на другой бок, собираясь поспать еще, но в этот момент петух завопил снова. Нет, он был не в конюшне, но при такой луженой глотке этой чертовой птицы данным фактом можно и пренебречь, ибо столь громкий крик просачивался сквозь крытую дранкой крышу с минимальными потерями. Грон глухо выругался и сел.

Замок герцога Эзнельмского он покинул почти седмицу назад. Тайком. Не сообщив никому о том, что собирается бежать. Даже Таю и Борнусу. А что еще прикажете делать? Тот Безымянный оказался не одинок в своем стремлении служить Грону.

Ввалившись в спальню, Грон позволил перепуганному Соболю забраться под одеяло и накрыться им с головой. Не слишком типичная реакция для пятнадцатилетнего пацана, но ведь с ним произошло что-то настолько ужасное, что рассудок отказывался в это верить. Безымянный назвал его господином! И выразил готовность повиноваться! Но ведь Владелец вряд ли приказал своим слугам повиноваться кому бы то ни было в замке, кроме новоиспеченного герцога. Он, скорее всего, вообще не представлял, что в этом замке живет некий юноша по имени Соболю. Нет, возникни в том необходимость, совершенно понятно, что он смог бы выяснить о Соболе все. И довольно быстро. Но зачем ему это? Кто такой Соболю, чтобы им заинтересовался Владелец? Или... все начинается по новой, и в этом мире тоже есть технология, позволяющая засечь перенос сознания? Но почему тогда Безымянный не попытался сразу же убить Грона, а, наоборот, выказал готовность повиноваться ему? Голова раскалывалась от вопросов. Грон некоторое время лежал, ожидая, пока отчаянно колотящееся в груди сердце хоть немного умирит свой ритм и ему удастся вновь вернуть себе более-менее надежный контроль над телом Соболя, а потом откинул одеяло и повернул голову. Борнус и Тай сидели на кровати Тая, которая стояла у противоположной стены, и испуганно смотрели на него. Грон сел на кровати.

– Ну чего уставились? – несколько грубовато пробормотал он.

Тай мгновенно наклонил голову, отводя глаза, а Борнус испуганно дернул кадыком. Грон принялся поправлять рубаху. В спальне повисла напряженная тишина. Оба юных пажа осознавали, что там, в коридоре, на их глазах произошло нечто невероятное, но как к этому относиться, пока было непонятно. Первая реакция была привычной. Все, кто жил в этом мире, давно четко усвоили, что все, связанное с Владелем, – страшно и запретно. Так что изначальной реакцией на произошедшее был страх. Но вот уже прошло десять минут, и ничего ужасного ни с кем не приключилось. На смену страху начало пробиваться неумное юношеское любопытство.

– Соболю, а чего это он? – наконец осмелился обратиться к приятелю Борнус.

– А я знаю? – отозвался Грон.

Ему наконец-то удалось взять под контроль адреналиновый выброс, поэтому теперь он мог общаться со своими приятелями относительно спокойно. Тай осмелился поднять глаза и окинул старого, но внезапно открывшегося с незнакомой стороны приятеля любопытным взглядом.

– А ты взаправду можешь чего-нибудь приказать Безымянному?

– Да откуда мне знать? – пробурчал Грон. – Пробовать это я совершенно не собираюсь.

Оба приятеля понимающе кивнули. Вот еще, идти наперекор воле Владетеля – дураков нет... Но с другой стороны, все в этом мире происходит по воле Владетеля, значит, то, что Безымянный выказал готовность повиноваться Соболю, несомненно, тоже его воля... Или нет?

Подобный теологический тупик оказался совершенно непроходимым для недостаточно развитых юношеских мозгов (впрочем, не исключено, он оказался бы таковым и для мозгов намного более развитых и изощренных), так что Тай отбросил всякие рассуждения и перешел к конретике:

– А почему?

– Потому что потому, – отрезал Грон.

Ну не объяснять же мальчишке, как по идее должен отреагировать один из... богов, что ли (он пока так до конца не разобрался, кто же такие Владетели), этого мира, выяснив, что один из его слуг, до сего момента считавшихся априори абсолютно ему преданными, внезапно выразил желание повиноваться кому-то другому. Причем тому, кому он такого права не делегировал... Или все-таки делегировал? Грон стиснул зубы. Ну что за загадка?! Так знает Владелец что-то о нем или это какая-то ошибка, накладка?.. Вызванная, например, неким сбоем в одном конкретном Безымянном либо тем, что его, Грона, то есть Собола, сильно поранила магическая тварь, созданная с помощью силы Владетеля, и от его организма до сих пор неким образом *попахивает* магией Владетеля. Или еще какими-то пока еще непонятными причинами. Ну, скажем, как это часто бывает в бульварных романах, его мамашка пригуляла его с Владетелем. Вроде как здесь принято считать, что этот самый Владелец выглядит вполне человекообразно...

– Слушай, а может... – подал голос Борнус, возбужденно сверкая глазками.

– Нет, – жестко отозвался Грон. – И вообще, давайте ложиться спать. Поздно уже. Кто знает, как оно завтра все будет.

Тай и Борнус разочарованно переглянулись, но Грон был прав. Поэтому, еще немного пошущукавшись, оба пажа разобрали постели и улеглись, затихнув довольно быстро. Грон еще некоторое время лежал в своей кровати, ожидая, пока дыхание приятелей окончательно выровняется, а затем медленно, стараясь не выдать себя ни единым звуком, сел. Тело немного затекло. Оно же все еще оставалось хоть и довольно развитым, но пока недостаточно натренированным телом пятнадцатилетнего юноши, находящегося в самой середине пубертатного периода. И настойчиво требовало движения. Грон некоторое время сидел, прислушиваясь к мерному сопению Тая и Борнуса, а затем положил руку на грубую спинку своей кровати и рывком поднялся. Ногу слегка прострелило болью. Кровать скрипнула. Грон замер, прислушиваясь, но оба его соседа по спальне продолжали мерно дышать. Грон перевел дух и осторожно двинулся к двери.

Безымянный торчал на том же самом месте. И в той же позе. Грон взволнованно сглотнул (пока ему еще не удалось взять под контроль рефлекторные реакции тела, но он по этому поводу не слишком волновался, поскольку так же было и сразу после предыдущего переноса) и осторожно выбрался из-за угла. Безымянный медленно повернул голову в его сторону, снова припнулся и опять согнулся в низком поклоне.

– Повинуюсь, господин.

Грон сделал шаг вперед, затем еще один и... оторопело замер. Перед ним стоял другой Безымянный. Значит, это не сбой одного конкретного Безымянного. Ну хоть что-то удалось прояснить. Грон облизнул пересохшие губы.

– Ты... готов мне повиноваться?

Новый поклон, и вновь повторенное:

– Повинуюсь, господин.

Грон вдохнул, повел плечами и тихо спросил:

– А почему?

Безымянный поклонился в третий раз.

– Повинуюсь, господин.

Грон досадливо поморщился. Ну как заставить его объяснить-то?

– Кто я?

– Господин.

– А почему ты считаешь меня своим господином?

Безымянный опять поклонился. На этот раз молча.

Понятненько, не тот вопрос.

– Сколько у тебя господ?

– Ты – господин.

И как это понимать? Он – один? Или он – самый главный? Или господа властвуют ситуационно, то есть который рядом, тот и господин, а появится новый – он станет господином. Грон рефлексивным жестом потер щеку о плечо.

– А как ты меня узнал?

– Ты – господин.

Вот тебе и ответ. Мол, чего тут обсуждать, все и так совершенно понятно. Ты – господин. Но почему? Ладно, попробуем зайти с другой стороны.

– Сколько в замке твоих господ?

– Ты – господин.

– А герцог?

На этот вопрос Безымянный не отреагировал. Либо предположение о ситуационной власти господина оказалось верным, либо... герцог не обладал статусом господина. Ладно, попробуем уточнить.

– А кто для тебя герцог?

Безымянный молчал. Да что же это?... Как спросить-то так, чтоб понял?

– Кто для тебя тот, кого ты сопровождал сюда? Ну, который приехал в карете, что вы охраняли?

Безымянный продолжал молчать. То ли он просто не понимал вопроса, то ли не желал отвечать, то ли не мог. Грон тяжело вздохнул. Получил информацию, нечего сказать... Ладно, попробуем выяснить что-нибудь о пределах своей власти над этими флегматичными парнями.

– Ты можешь сесть?

Безымянный опустился на пол.

– Встань.

Безымянный поднялся.

– Подойди к лестнице.

Безымянный сделал два шага вперед.

– Отдай мне свой меч.

Клинок с коротким шелестом выскользнул из ножен. Грон осторожно перехватил протянутую ему рукоять и некоторое время стоял, пялясь то на меч в своей руке, то на Безымянного, а затем ухмыльнулся.

– Значит, ты выполнишь все, что я скажу?

– Да, господин.

– Даже если я прикажу тебе убить себя? – выпалил он и в следующее мгновение отчаянно закусил губу.

Но было уже поздно. Безымянный не понимал отвлеченных размышлений. Он просто качнулся всем телом вперед, одним движением насадив свою грудь и находящееся внутри нее сердце на лезвие меча, зажатого в руке Грона...

– Эй, парень, а ну вставай! Ты заплатил только за ночь, а уже утро.

Грон открыл глаза и сел. В проеме приоткрытых ворот конюшни маячила фигура хозяина придорожного трактира. Грон моргнул и, подняв руку, выдрал из волос запутавшиеся в них соломинки. Значит, он задремал-таки после того чертового петуха.

– Ну, проснулся, что ли?

– Да, господин, – кивнул Грон и уперся в земляной пол, поднимаясь на ноги.

– Жрать будешь?

Грон рефлексивно сглотнул, жрать хотелось, но в его тощем кошельке было всего лишь два толара и семь медных монет. Вытаскивать на свет божий золотые толары в этом трактире было бы верхом безрассудства, как, впрочем, и в любом другом придорожном трактире на тракте. А на медную монету он мог бы получить всего лишь миску горячей требухи. До Жадкеи же было еще как минимум четыре дня пути, как раз на четыре медных монеты. Так лучше уж поесть вечером. Тем более что в этом случае ему, как уважаемому (ну условно) и платежеспособному посетителю, могут за ту же медную монету разрешить переночевать на конюшне. А то придется платить за ночлег в зале. Ночевать на улице уже было нельзя. По какому-то капризу природы на эту неделю, что он был в пути, выпало относительное затишье – осенние ливни будто решили сделать паузу, а зима еще не вступила в свои права, но лужицы поутру уже всю подергивались ледком.

– Нет, господин.

– Тогда вали отсюда, – пробурчал хозяин и исчез из проема приоткрытых ворот.

Спустя десять минут Грон, прихрамывая, шагал по обочине размокшего, но уже начавшего слегка подсыхать торгового тракта, связывающего Эзнельм с Жадкеей.

Из замка он выбрался спустя полчаса после того, как на пол у его ног грянулось тело Безымянного. Несколько мгновений он ошарашенно пялился на труп, а затем до хруста стиснул зубы, чтобы не заорать. Черт, черт, черт, черт!!! Проклятие! Ну что за сволочное невезение?! Это тело никак не желало подчиняться ему в полной мере, реагируя на внешние раздражители с непосредственностью и порывистостью пятнадцатилетнего. А в этом возрасте руки, ноги и, главное, язык живут не просто намного впереди мозгов, но еще и по большей части совершенно отдельно от них. И все реакции крайне просты и однозначны, а суждения резки и безапелляционны. И как теперь быть? Грон оглянулся. Коридор, слава богу, был безлюден. Его никто не видел. Но можно не сомневаться, что расскажут Борнус и Тай тем, кто будет проводить расследование по поводу убитого Безымянного. Несколько мгновений он размышлял над тем, а не сделать ли так, чтобы Борнус и Тай никому ничего уже не смогли рассказать, но затем отверг этот вариант. Никакого серьезного выигрыша это не сулило. К тому же едва в пределах его досягаемости окажется какой-нибудь Безымянный, то, что он хотел бы сохранить в тайне этими смертями, мгновенно сделается очевидным. Да и, если честно, рука не поднималась на пятнадцатилетних пацанов, которых часть его личности, относившаяся к Соболю, продолжала воспринимать как друзей-приятелей. Значит, оставалось одно – бежать. Причем немедленно. Первого Безымянного сменили с поста довольно быстро, так что замена второму может прийти с минуты на минуту.

Грон, прихрамывая, бросился к дверям спальни. В спальне все было тихо. Он торопливо наклонился и вытащил из-под кровати плетеную корзину с личными вещами. Что брать? Нога все еще не работала в полной мере, так что много вещей он унести не сможет. Да и совсем уж хорошие вещи ему не нужны. Не вызывает сомнений, что, после того как обнаружат мертвого Безымянного и выбьют из Тая с Борнусом все, что им известно, его начнут искать. А кого будут искать? Молодого дворянина, младшего сына барона Расдора, раненного в ногу. И что мы с этим можем поделать? С молодостью – ничего. С дворянством?.. Притвориться недворянином – возможно. Но не с его одеждой. Значит, надо изыскать возможность поменять ее, а пока натянуть что-нибудь наиболее неприметное. С ранением... ну будем стараться не хромать. Насколько возможно. С сыном барона Расдора? Значит, двинемся в сторону от владений отца. Какой из всего этого сиюминутный практический вывод? Из вещей, кроме вот этих простых штанов, обычно надеваемых на разные хозяйственные работы, такой же рубахи

и старенькой, давно ставшей ему маловатой и потому столь же давно не надеваемой куртки из овчины захватим немного исподнего на смену. Остальное – бросим.

Грон затолкал в корзину большую часть личных вещей и на мгновение задумался. Может, остальное сжечь? В замке вон какие собачьи своры. Но в памяти Собола не было ни одного случая, когда с собаками разыскивали людей. К тому же это его намерение было слишком затруднительно осуществить. Для надежности следует сжечь не только личную одежду, но и простыни с подушками, и тренировочное оружие из учебной оружейной, и попону с седлом, хранившиеся на конюшне. Да с его ногой на это потребовалось бы полдня... вернее полночи.

Он спустился по винтовой лестнице во двор и замер, притаившись в проеме боковой двери. Замок спал. Никакой смены Безымянного ему по дороге также не встретилось. Похоже, пока боги на его стороне... или Владетели, кто их разберет. Грон несколько неуклюже выскользнул из проема и с замирающим сердцем двинулся в обход двора, стараясь держаться в тени.

Ему удалось миновать дверь кухни, обогнуть конюшню и подобраться к воротам, как в проеме ворот внезапно что-то шевельнулось. Грон замер, стиснув зубы. А он-то рассчитывал, что привратная стража уже успела заснуть. Ну что им еще делать у запертых ворот герцогского замка, возвышающегося в самом центре весьма большого, по здешним меркам, столичного города герцогства? И что теперь?

– Повинуюсь, господин, – гулко пророкотало из темного проема ворот.

Сердце Грона едва не выскочило из груди через горло. Несколько мгновений он отчаянно пытался остановить дрожь всех конечностей, а затем шумно выдохнул и утер пот. Пронесло.

– Эй ты, потише говори, шепотом.

– Повинуюсь, господин, – отозвался часовой Безымянный уже на два тона глуше.

– Хорошо. – Грон наконец сгреб в кучу все свои конечности и получил-таки возможность двинуться вперед. – Открой калитку, только тихо.

В темноте что-то едва слышно звякнуло, а затем послышался тихий скрип отворяемой двери.

Грон приблизился к едва различимому в темноте проему и, повернувшись к Безымянному, приказал:

– Как только я выйду, закроешь за мной калитку и... забудешь, что меня видел. Кто бы тебя ни спрашивал, ты меня не видел и ничего обо мне не знаешь, понятно?

– Да, господин.

Грон с сомнением покачал головой. Кто их знает, этих Безымянных, как у них все там, в голове, происходит. Не исключено, что на прямой вопрос типа «Что велел тебе такой-то?» это чудо заявит: «Господин велел забыть, что я его видел», но с этим он ничего поделать не мог. Поэтому Грон решил просто положиться на удачу. И слава богу, она его не покинула. Как минимум в ту ночь...

Отойдя от трактира на пару миль, Грон свернул в лес и через сотню шагов остановился, скинул со спины мешок и потянул с плеч куртку. Еще в первый вечер, который Грон рискнул провести в лесу, в полумиле от Жадкейского тракта, он вырезал ножом из найденной на земле старой дубовой ветки несколько шариков и вот уже который день мял и крутил их в руках, тренируя пальцы и укрепляя связки. А два дня назад начал устраивать себе пока еще короткие, получасовые тренировки, занимаясь в основном растяжкой и упражнениями с собственным весом. Собола был, конечно, парнем по местным меркам вполне развитым, но до кондиций Великого Грона ему было еще очень далеко. Впрочем, подобных кондиций ему, пожалуй, не достичь. Во-первых, тело Собола все-таки заметно уступало тому телу, что получил Грон в своем предыдущем мире, а во-вторых, нога, даже если и заживет, все равно никогда уже не

сможет выдать всю заложенную в ней природой скорость и силу. Похоже, придется даже смириться с хромотой, будем надеяться, что легкой...

Размявшись и поделав растяжку, Грон упал на кулаки и принялся отжиматься. Согнув и разогнув руки семьдесят два раза, он лег на опавшую листву и некоторое время отдыхал. Неплохо. Два дня назад он закончил на шестидесяти пяти. Но на семидесяти двух, пожалуй, стоит сделать «полку». Дня на три-четыре. И уже перед самой Жадкеей попытаться довести до восьмидесяти. Поприседав на здоровой ноге и с десятков раз подтянувшись на ветке, Грон обтерся старой рубахой и принялся одеваться. Кроме повышения физических кондиций эти тренировки преследовали еще одну цель. Грон приучал свое новое тело повиноваться его воле. И это уже начало приносить кое-какие результаты.

К деревне он подошел уже в сумерках. Жадкейский торговый тракт был обустроен давно и основательно, поэтому расстояния между деревнями и придорожными трактирами обычно составляли где-то половину дневного перехода торгового каравана, чья скорость движения примерно соответствовала скорости пешего путника. Так что торговцы могли себе позволить на половине дороге остановиться и перекусить горячим обедом, а затем продолжить движение, не сомневаясь, что в конце утомительного дня обязательно доберутся до очередного комфортабельного (по местным меркам) убежища. Грон, путешествуя в одиночку и жертвуя обедом, успевал за день отмахать где-то в половину больше, чем торговый караван, останавливаясь на ночевку не во втором, а в третьем встретившемся за день трактире. Что его вполне устраивало, поскольку он появлялся в трактире к тому моменту, когда большинство путников успевали не только поужинать, но и опрокинуть несколько стаканчиков сидра или смородиновой настойки. Так что у них уже не было особого желания (да и возможностей) внимательно вглядываться в лица вновь прибывших. Что Грону и было надо. Однако когда он миновал околицу и двинулся по улице, в конце которой маячил трактир, у Грона засосало под ложечкой. Похоже, сегодня рассчитывать на бесплатный ночлег нечего. Вся площадь перед таверной оказалась забитой возами. Это означало, что в деревню прибыл большой караван, ну или два, если обычных. А значит, все места на конюшне будут заняты. Да и лавки в зале тоже. Во всяком случае, надеяться, что ночлег обойдется в одну медную монету, не стоит. Да и порция требухи вполне могла изрядно вырасти в цене. Эвон ртов-то сколько. Грон остановился у широкого крыльца, тщательно счистил заранее припасенной палочкой грязь с башмаков и... влетел в зал, распахнув дверь собственным лбом, от крепкого удара по спине, сопровождаемый радостным гоготом.

В зале было темновато. То есть Грону с сумерек показалось, что достаточно светло, но сквозь густой дым от трубочного зелья, по вкусу и аромату скорее напоминавшего высушенную хвою, однако пользовавшегося у местного простого люда немалой популярностью, огоньки свечей едва просматривались. Грон сделал несколько шагов вперед, затем два в сторону и лишь после этого обернулся, чтобы посмотреть, кто это так над ним пошутил. Внутри него колокотала высокомерная ярость юного дворянина Собола ад Градана, но за прошедшее время он довольно сильно нарастил возможности контроля этого тела, поэтому снаружи вся эта буря обозначилась лишь слегка порозовевшими щеками.

– Что, соплячок, испугался? – весело поинтересовался рыжий детина, улыбаясь во весь свой щербатый рот.

Грон неопределенно повел плечами. Оприходовать этого дылду он, даже в своем нынешнем состоянии, скорее всего, сумел бы за пару минут, чего-чего, но «выключающие» точки на человеческом теле он сумеет отыскать даже с завязанными глазами, однако затевать шумные разборки ему по-прежнему было не с руки.

– Не бойсь, дядя тебя сильно обижать не будет, – покровительственно кивнул детина и попытался с размаху хлопнуть Грона по плечу. Каковое действие, по его мнению, непременно должно было привести к очередной крайне веселой, на его вкус, сцене – валяющемуся на полу и громко стонущему сопляку.

Но Грон чуть качнулся в сторону и максимально опустил плечо, так что опущенная с силой рука детины лишь скользнула по его плечу, и детина едва сам не шмякнулся на пол. С трудом удержавшись на ногах, он разогнулся и обиженно воззрился на Грона.

– Ты чего это?

– Ничего, уважаемый, – еще раз попытался обойтись без шумного выяснения отношений Грон, – просто собираюсь перекусить.

– Чего?! – взревел детина и, выбросив вперед руку, ухватил Грона за плечо будто клешнями. – А ну стоять!

Грон тихонько вздохнул. Шансов разрешить дело тихо и мирно практически не осталось. Ну встречаются на земле люди, которым очень тяжело жить с ненабитым рылом. Вот они и цепляются ко всем встречным-поперечным с громкими просьбами облегчить им их столь тяжкую и незавидную долю. И им облегчают... Впрочем, Грон сделал еще одну, последнюю попытку.

– Уважаемый, я собирался просто перекусить. Не мешали бы вы мне, – негромко, чтобы не провоцировать вероятного противника «на слабо», сказал он, однако на всякий случай перенес левую руку на правое запястье потенциального противника.

– Да я тебе, сопляк!.. – взревел детина и... дико завизжал, когда Грон надавил ногтем на достаточно широко известную болевую точку в основании его большого пальца.

Грон перехватил его локоть, развернул и резко дернул. Раздался хруст. Детина взревел и, вопя, шмякнулся на задницу. Таверна содрогнулась. Разговоры мгновенно смолкли. Лица всех присутствующих обратились к Грону. Он вздохнул. Да уж, перекусил незаметно. С другой стороны, границы Эзнельма он пересек еще полтора дня назад и теперь находился в Жадкее. Может, и пронесет. Тем более что никаких гонцов, со срочными приказами мчащихся по торговому тракту, он пока тоже не видел.

– Ну ты! Ты напал на моего побратима! – взревел грубый голос от одного из столов.

Грон скрипнул зубами. Еще и массовой драки ему здесь не хватало. Пожалуй, надо уносить ноги. В конце концов, деревня – не одинокий придорожный трактир, при удаче вполне возможно пробраться на чей-то сеновал либо заночевать в стогу сена где-нибудь за околицей. Задубеешь, конечно, – в стогу нет лошадей, своим телом греющих воздух в тесной конюшне, но лучше уж померзнуть, чем устраивать махач, о котором потом неделю будут судачить во всех придорожных тавернах от Эзнельма до Жадкеи.

– Эй, погонщик, насколько я видел, все было с точностью до наоборот. Твой друг напал на него, а этот славный юноша только защищался.

Все тут же повернулись в ту сторону, откуда донесся новый голос. Он принадлежал тощему, долговязому человеку, одетому как дворянин, но на его стоптанных сапогах виднелись простые стальные шпоры-колючки. На лавке рядом с долговязым лежали потертая кожаная шляпа с широкими полями и бронзовой пряжкой, толстый шерстяной плащ и узкий меч-шпага, носящий здесь наименование ангилот, в простых ножнах.

– Да ты кто такой?! – взревел погонщик, размерами ничуть не уступающий тому, который сидел сейчас на полу, баюкая сломанную в локте руку.

– Гость моей таверны, – послышался от стойки не менее громкий и грубый голос.

Головы всех повернулись уже туда. В проеме кухонной двери стоял дюжий мужик в широких штанах и кожаном фартуке на голое тело. В правой руке у него был зажат массивный тесак с налипшими на лезвии волокнами мяса.

– И мой друг. А если кому-то не нравятся мои друзья, то им следует шустро покинуть мою таверну. Пока я сам не занялся такими неуважительными гостями.

Погонщик, уже почти выбравшийся из-за стола, притормозил, озадаченно крутя головой и бросая взгляды то на долговязого, то на хозяина таверны, а затем оглянулся на своих.

– Да ладно тебе, Пург, – примирительно произнес пожилой мужик, сидевший за тем же столом, что и погонщик, и сильной рукой притянул растерявшегося дебошира к лавке, – не заводись. Замяли.

Хозяин таверны обвел зал угрюмым взглядом, а затем скорчил скучающую рожу и, не торопясь, отступил в кухню. Грон проводил его взглядом и развернулся в сторону одинокой фигуры. Человек в одежде дворянина поймал его взгляд, улыбнулся и сделал приглашающий жест.

– Присаживайтесь, юноша.

Повторять приглашение не потребовалось. Тем более что, как заметил Грон, других свободных мест в зале не было.

Не успел он опуститься на лавку, как у столика возникла крепенькая служанка.

– Что желает молодой господин?

– Требухи, – живо отозвался Грон и осторожно поинтересовался: – Почем тарелка?

Служанка бросила взгляд на соседа Грона и, скромно, но оч-чень завлекательно потупив глазки, пробормотала:

– Для вас – один медяк.

Грон кивнул и, покопавшись под курткой, выудил из кошелька один медяк.

– Пить что будете? – поинтересовалась служанка, засовывая медяк за лиф.

– Воду.

– А принеси-ка нам, Алтея, сидра, – внезапно встрял в его заказ сосед по столу. – Почему бы нам с молодым человеком сегодня немножко не расслабиться?

Грон повернулся к долговязому.

– Прошу простить, ваша милость, но я не...

– Я вижу, молодой человек, – спокойно сказал тот. – Давайте будем считать, что я вас сегодня угощаю. – Он сделал паузу и, дождавшись, когда служанка отошла от стола, качнулся вперед, наклонившись почти к самому лицу Грона, и тихо произнес: – Ведь мы, беглецы, должны помогать друг другу. Не правда ли?

4

– Укол, еще укол, блок, опять укол... ноги, ноги где? А корпус? Ты будешь работать или нет?!

Грон, запыхавшись, остановился и отпрыгнул назад, одновременно опуская эспадрон.

– Я работаю, – пробормотал он, задыхаясь.

– Это – не работа, – безжалостно отрезал Батилей. – Это – так, что-то похожее на работу. Деланье вида. Чтоб отвязались! Понятно?

– Да, учитель.

Грон шумно выдохнул и сглотнул. Да... давненько его так не гоняли. Тот вечер в придорожной таверне закончился тем, что он сменил ближайшие планы и направление движения. Фраза Батилея о том, что беглецы должны помогать друг другу, привела Собола в некоторую оторопь, так что Грону не пришлось прилагать никаких усилий, чтобы вызвать на лице этакое глуповато-испуганное выражение. Батилей несколько мгновений внимательно рассматривал его лицо, а затем едва заметно удовлетворенно кивнул и, протянув руку навстречу служанке, уже вернувшейся с кувшином сидра, уверенным жестом принял кувшин и наполнил стаканы.

– Не беспокойтесь, молодой человек, вряд ли кто еще из здесь присутствующих умеет читать по лицам столь же хорошо, как я. А я не собираюсь вас выдавать. – Он сделал короткую паузу, улыбнулся и поднял свой стакан. – Давайте выпьем за встречу.

Грон ухватил свой стакан, мгновение поколебался, раздумывая, пить ли до дна или просто пригубить, а затем решил, что столь сопливая особь, каковой, без сомнения, выглядел он в глазах своего неожиданного собеседника, после подобного заявления непременно должна выпить стакан залпом. Так он и поступил. Батилей вновь едва заметно кивнул. Похоже, этот жест был у него рефлекторным. Существенный недостаток для человека, который, похоже, когда-то обретался в довольно высокопоставленном обществе. В этот момент у стола вновь появилась служанка с тарелкой похлебки из требухи и здоровенным ломтем хлеба с тонкой пластинкой сала на нем.

Грон удивленно воззрился на служанку.

– Но я это не заказывал.

Служанка сверкнула завлекательной улыбкой.

– Это за счет хозяина. Он велел передать, что ему понравилось, как вы держались. – И она шустро отскочила к стойке, напоследок весьма завлекательно подбросив попойкой подол юбки.

Грон пару мгновений рассматривал неожиданный подарок, изо всех сил борясь с наполнившей рот слюной (все-таки он очень сильно проголодался), а затем бросил вопросительный взгляд на своего соседа. Тот поощрительно улыбнулся.

– Ешьте, – милостиво разрешил он, – Пург не часто делает какие бы то ни было подарки, но когда делает, то от чистого сердца.

И Грон, отбросив сомнения, торопливо схватил хлеб с салом и вонзил в него крепкие молодые зубы...

– Меня зовут Батилей, – вновь вступил в разговор сосед по столу, когда хлеб с салом занял почетное место в брюхе голодного юноши, а ложка уже начала скрести по дну тарелки.

Грон на мгновение замер, с некоторым усилием протолкнул кусок требухи дальше в пищевод и представился:

– Грон.

– Грон? – несколько удивленно переспросил Батилей.

Грон настороженно кивнул. Он уже в начале их разговора решил назваться Гроном и сейчас с некоторым беспокойством ждал реакции.

– А позволено ли мне будет поинтересоваться, откуда у вас такое странное имя? – мягко и даже вкрадчиво спросил Батилей.

– Из прошлой жизни, – честно ответил Грон. – А что?

– Да так, некоторые ассоциации, – едва заметно улыбнулся Батилей и сменил тему: – Не желаете ли поделиться своими проблемами?

Грон мотнул головой:

– Нет.

– Считаете, что справитесь с ними сами?

– Да. Но не только. Просто в ответ вы можете взвалить на меня свои. А зачем мне чужие проблемы?

Глаза Батилея слегка округлились, а затем он тихо рассмеялся.

– Да вы не по годам мудры, молодой человек. – И он вновь разлил вино по стаканам. – Ну, за знакомство!

На этот раз Грон выпил только половину. Батилей это заметил, но, окинув Грона острым взглядом, ничего говорить не стал.

– И куда направляетесь? – небрежно поинтересовался он.

– В Жадкею. Пока.

– Пока?

Грон пожал плечами:

– Дальше не знаю. Посмотрю. Я не слишком-то разбираюсь в местной географии.

Он не видел в этом признании какой-то опасности. География не была одним из обязательных предметов в местных школах, да и там, где ее все-таки изучали, уровень преподавания был весьма посредственным. Так что признание в собственном невежестве в этой области никак не могло уронить человека, скорее наоборот, излишние знания могли вызвать настороженность.

– И как далеко вы собираетесь бежать?

– До того места, пока не решу, что наконец-то можно остановиться, – спокойно ответил Грон.

Батилей посмотрел на него долгим взглядом, а затем вновь кивнул:

– Да, вы очень интересный молодой человек. Обычно люди в вашем возрасте и положении чувствуют себя менее уверенно.

Грон промолчал и, подняв стакан, сделал глоток вина. Батилей же некоторое время сидел, склонив голову и, похоже, о чем-то напряженно размышляя, а затем вновь упер взгляд в Грона.

– А знаете, Грон, у меня есть к вам деловое предложение. Вы, как я вижу, немного поиздержались, и вам совершенно не мешают деньги. Поэтому, если вы не так уж твердо настроены следовать именно в Жадкею, я готов предоставить вам место своего слуги.

Грон сделал еще глоток и с минуту поизображал задумчивость. Деньги-то у него были, но прицепиться к человеку опытному и неплохо знающему местные условия было очень заманчиво. Познания Собола в части путешествий дальних и в одиночку были по существу никакими.

– А на каких условиях?

– Я думаю, мои условия вас удовлетворят, – тонко усмехнулся Батилей, – я готов платить вам по пол-серебряного в неделю. Но это еще не все. Я вижу, что вы обучались как благородный человек... не спорьте, – прервал он возможные возражения, которые, впрочем, Грон и не собирался делать, – упражнения с мечом особенным образом формируют осанку. Например, у вас хорошо развитое запястье, а правое плечо даже сейчас, когда вы не в стойке и просто сидите, слегка выдвинуто вперед. И ноги вы ставите не косолапо, по-крестьянски, а разбрасывая носки, как человек, овладевший как минимум основами вольтижировки. Но как мне представляется, ваше обучение не было закончено. Я же известен в некоторых местностях как

неплохой учитель фехтования, да и наездник я неплохой. И я готов в счет оплаты давать вам уроки. – Он замолчал, испытующе глядя на Грона.

Тот допил остатки вина и поставил на стол пустой стакан.

– Щедрое предложение, – осторожно ответил он. – И я готов его принять, как только пойму, чем вызвана подобная щедрость.

Батилей несколько мгновений напряженно вглядывался в его лицо, а затем вновь тихонько рассмеялся.

– Да... я не ошибся, вы действительно крайне необычный молодой человек. Считайте, что мое предложение вызвано моим интересом к вашей персоне. Я люблю и умею разгадывать загадки. – Тут его улыбка стала немного грустной. – Именно любовь к загадкам привела меня в эту таверну. Но она же и натренированное ею умение их разгадывать позволили мне до сегодняшнего дня оставаться в живых. А вы – интересная загадка. К тому же мне представляется, вы достаточно умны, чтобы понимать что в вашем положении так или иначе рано или поздно вам необходимо будет обзавестись друзьями. А друзьям все равно придется рассказать хоть что-то из того, что вы пока так боитесь открыть. Я же терпелив и предпочитаю сам распутывать загадки и раскрывать тайны. И потому не буду слишком сильно назойлив. Так почему бы нам не попробовать подружиться?

Грон еще пару мгновений подержал паузу, улыбнулся и кивнул:

– Что ж, пожалуй, на таких условиях я готов... взвалить на себя часть ваших проблем...

– Ну, продолжим, – сердито хмуря брови, нетерпеливым тоном приказал Батилей.

И Грон послушно встал в позицию. Сказать по правде, он считал себя очень неплохим фехтовальщиком. И опыт жизни в прежнем мире вроде как давал ему все основания для этого. Но теперь, после двух с половиной месяцев занятий с Батилеем, ему стало понятно, что все его прежнее искусство – не более чем любительщина. Нет, в строю или, там, в конной лаве он чувствовал бы себя, наверное, вполне на уровне, но как индивидуальный боец был весьма слаб. Во всяком случае, здесь, в мире, переживающем времена едва ли не пика фехтовального мастерства. Порох здесь был неизвестен, и поэтому тяжелые рыцарские латы, как и сам рыцарский стиль боя, были все еще в большом ходу. Но само развитие лат привело к тому, что их использование оказалось полностью вытеснено в крайне узкие рамки непосредственно поля боя или турниров. То есть они перестали, как это было характерно ранее, при использовании более легких и, так сказать, практичных доспехов, являться частью повседневного костюма дворянского сословия. Что опять-таки послужило причиной того, что тяжелые и массивные мечи также оказались не слишком востребованы в повседневной жизни и были почти повсеместно заменены некой помесью легких мечей и тяжелых шпаг, типа того же ангилота. А это привело к бурному росту искусства фехтования. Ибо тяжелым мечом или палахом, предназначенными для проламывания мощных доспехов и для работы по тяжелому пехотному щиту, не очень-то и пофехтуешь. Тут большее значение имеет физическая сила и общая подвижность. То есть, конечно, для развития фехтования были и иные причины, социального толка, например привычка решать вопросы силой, но насколько помнил Грон, во времена повсеместного главенствования тяжелого вооружения поединки были делом довольно трудоемким в организации и, как правило, имели вид конных турнирных схваток, а здесь, как в Европе во времена Людовика XIII и незабвенного кардинала Ришелье, были в ходу и обычные дуэли.

Закончив тренировку, Грон быстро расшнуровал и стащил с Батилея кожаный нагрудник, привычно вылез из своего и, подойдя к стойке с тренировочными мечами, тщательно развесил нагрудники на деревянных вешалах. Их еще предстояло смазать свиным жиром, а мечи отбить и зашлифовать выщербины. Но сначала он стянул через голову рубаху и, наклонившись над бадьей с водой, предназначенной в основном для смачивания тренировочной арены, как следует умылся. Вытершись чистым полотном, Грон присел на корточки, открыл банку с густым

взваром грашинника и принялся тщательно смазывать свежие синяки и ссадины. Особенно много их было на правой руке. Целых пять. Впрочем, это еще с чем сравнивать. Если с результатами хотя бы полуторамесячной давности, то пять ссадин на правой руке – это, считай, почти и ничего. На первых спаррингах его рука вообще превращалась в один сплошной синяк. К тому же сегодня он достал-таки Батилея целых два раза. В левое бедро и в нижний правый край нагрудника. Впрочем, Батилей-то достал его аж восемнадцать раз...

В Кадигул они приехали полтора месяца назад. Насколько Грон смог понять из случайных (а может, искусно замаскированных, нарочитых) обмолвок своего учителя, тот прибыл в Жадкею откуда-то из-за моря. И на побережье задерживаться не собирался. Что гнало его все дальше и дальше, пока оставалось загадкой, которую Грон решил не торопиться разгадывать. Две его прошлые жизни приучили его к тому, что не все загадки требуется разгадывать. Часть спустя некоторое время разгадываются сами по себе. Разгадок другой, большей части следует искать скорее для того, чтобы находиться в тонусе, а вовсе не из-за непереносимости узнать правду. А некоторые вообще лучше бы не разгадывать. И эта, совершенно точно, относилась либо к первой, либо к третьей категории. Вот только он упустил из виду, что подобный подход отнюдь не характерен для юноши, только вступившего в самый романтичный и порывистый возраст. Чем заслужил еще один задумчивый взгляд Батилея.

Кадигул был столицей небольшого графства, находящегося под рукой Владетеля Грагга, по всеобщему мнению враждовавшего с Владетелем Ганиадом, под рукой которого пребывали Эзнельм и Жадкея. В силу этого торговые связи Кадигула и Жадкеи были несколько ограничены, и основные торговые тракты, ведущие из Кадигула, были ориентированы на запад и юг. Грону и Батилею пришлось почти неделю пробираться по заброшенному и уже кое-где сильно заросшему тракту, а потом еще объясняться с патрулем стражников. Впрочем, Кадигул был пограничьем Владений Грагга, а следовательно, местом относительно тихим и спокойным. Во всяком случае, до последнего времени. Почему это так, Грону разъяснил Батилей.

– Понимаешь, – задумчиво начал он как-то вечером в ответ на достаточно точно дозированно-наивный вопрос Грона, – как ты уже, наверное, понял, основу верховной власти в нашем мире составляет магия. Никто не может противиться Владетелю. Зато он вполне способен сокрушить огромные армии, воздвигнуть горы или, наоборот, обрушить их. Стереть с лица земли огромный город, защищенный мощными стенами, либо создать залив, одарив ранее захолустный поселок, прозябающий в глубине бесплодных земель, удобной гаванью и поместив его этим самым в центр пересечения торговых путей. Владетели обладают великими силами. Но... эти силы тоже ограничены. – На его лице возникла легкая усмешка, как будто знание об ограниченности сил Владетелей доставляло ему лично некое удовольствие. – Этому не учат ни в одной из школ или университетов, об этом не принято говорить даже среди самых посвященных, но это факт.

– И как же они ограничены? – поинтересовался Грон, на всякий случай добавив: – Если вон даже горы могут двигать?

– А ты никогда не задавался вопросом, почему границы Владений являются практически неизменными вот уже на протяжении тысячелетия?

Грон задумался. А ведь и действительно, их учили, что могучий Владетель Ганиад неустанно хранит границы Эзнельма «и прилегающих земель» вот уже тысячу сто лет. О других Владениях им особенно не рассказывали, только в контексте приграничных войн, каких, как он внезапно сейчас осознал, случалось едва не на порядок меньше, чем войн между доменами внутри одного Владения. Но даже и того, что им рассказывали, было достаточно, чтобы сделать вывод: границы соседних Владений, во всяком случае, те, которые примыкали к Владению Ганиада, также оставались практически неизменными на протяжении очень и очень долгого времени.

– И почему?

– Потому что сила Владетеля зависит от того, как далеко от его Башни ему требуется ее применить. – Произнеся эти слова, Батилей откинулся на спинку кресла, на котором сидел, и заинтересованно уставился на Грона.

И Грон понимал почему. Батилей применил стандартный педагогический прием, задал своему ученику направление мысли и теперь собирался проследить, к каким выводам придет ученик. Что ж, это было нетрудно.

– Значит, в сердце своего Владения, Башне и Запретной пуще, Владетель практически всемогущ, а чем дальше, тем его сила все больше и больше убывает?

– Верно.

– Поэтому в чужом Владении Владетели практически бессильны.

– Опять верно.

Грон ненадолго задумался.

– Это означает, что различные размеры Владений связаны как раз с тем, какой силой обладает каждый из Владетелей?

– Точно. – Батилей удовлетворенно кивнул. Похоже, Грон оправдал все его надежды. И учитель плавно закруглил: – Именно поэтому он чаще всего запрещает приграничным доменам ввязываться в большинство свар. Ибо именно на границах силы Владетелей практически уравниваются, и если возникнут трения между Владетелями, их исход будет в основном зависеть от обычного оружия. Поэтому приграничные домены, как правило, наиболее спокойны.

Но его ученик не собирался на этом останавливаться.

– Значит, – задумчиво начал он, – если Владетель окажется на границе своего Владения, то он по возможностям будет не слишком отличаться от обычного человека?

Батилей окаменел. Похоже, столь простая мысль ни разу не приходила ему в голову. Несколько мгновений он сидел, устремив напряженный взгляд в стену, затем едва заметно качнул головой и пробормотал:

– Невозможно. Владетель почти никогда не покидает своей Башни, а если и покидает, то в сопровождении нескольких сотен своих Безымянных и многочисленных отрядов гвардейцев из подвластных доменов. Нет, невозможно...

Грон промолчал. Что ж, он оказался прав. Загадка Батилея только что сбросила первый из своих покровов. А его в этом деле радовало еще и то, что, оказывается, не только он один умудрился вляпаться в неприятности с Владетелем...

Однако вопреки (а может, и благодаря) подобному захолустному затишью спрос на фехтовальную науку в Кадигуле явно намного превышал предложение. Поэтому Батилей решил обосноваться в этом графстве на некоторое время, чтобы, как он выразился, «привести себя в порядок, пополнить кошелек и слегка погонять одного бестолкового молодого человека». И следует признать, что все три поставленные задачи Батилей решал с неизменным успехом.

Они начали с частных уроков. При этом Батилей сразу же задействовал тогда еще довольно неуклюжего Грона, поручив ему обучение новичков – постановку ног, стойки, хваты – во многом, как сразу же понял Грон благодаря своему прошлому опыту, из-за того, что, обучая других, ученик должен намного быстрее усваивать все это и сам. Обучая обучайся – древний и очень эффективный педагогический прием.

Спустя полторы недели несколько учеников из обеспеченных семей, впечатленные уровнем преподавания Батилея, вкладчину сняли для своего учителя дом на окраине Кадигула с обширной конюшней, которую приглашенные рабочие за пару дней превратили в довольно приличный тренировочный зал. И с тех пор все занятия Батилей проводил именно здесь, в этой окраинной усадьбе, что позволило ему практически в два раза увеличить количество учеников и почти расплатиться за годовую аренду усадьбы. Со следующей недели фехтовальная школа должна была начать приносить прибыль. Вернее, они могли бы расплатиться уже на этой неделе, но Батилей решил сделать это семью днями позже, а на появившиеся деньги заказал

себе пару новых камзолов, а также сапоги и новую меховую куртку Грону. Старая сделалась ему совсем уж мала.

А индивидуальные занятия и спарринги они перенесли на вечер. На время после занятий. Что было очень разумно, потому что если бы они занимались этим утром, то после спаррингов Грон вряд ли был бы способен выполнять свои тренерские обязанности со сколько-нибудь удовлетворительной эффективностью. А так благодаря взвару грашинника и крепкому сну к утру он приходил в норму. Но уборку в тренировочном зале ему приходилось делать, морщась от боли и поохивая.

Грон уже заканчивал грабление опилок, которыми густо был засыпан земляной пол бывшей конюшни, когда в зале снова появился Батилей.

– Заканчиваешь? Давай быстрее.

– Да, учитель, – несколько озадаченно отозвался Грон. Куда торопиться-то?

Но следующие слова Батилея все объяснили:

– Только что приезжал Тавир с капитаном стражи. Мы приглашены на прием к графу Кадигула.

– Мы?

– Да, оба.

Грон недоуменно повел плечами. Они с Батилеем считались в графстве простолюдинами. То есть не совсем, конечно. Никто не верил, что простолюдины могут владеть искусством фехтования на столь высоком уровне, как им владел Батилей. Поэтому его считали дворянином, который по каким-то тайным причинам не афиширует свое благородное происхождение. А какие слухи ходили по поводу его самого, Грон не знал. Может, и никакие. Ну кто он такой на фоне Батилея? Однако официальный статус есть официальный статус. И вот их отчего-то приглашают на прием к самому графу. Грон почувствовал, как у него екнуло под ложечкой. Ну ладно Батилей, но почему еще и его? В конце концов, Батилей завоевал в графстве некоторое уважение и считается солидным владельцем школы фехтования. А он-то при чем? Или со стороны границы Владения Ганиада, до которой от Кадигула было всего-то два десятка миль, просочились какие-то сведения о нем? Да тоже как-то не слишком вероятно. За все время бегства из Эзнельмского замка Грон не заметил ни единого признака того, что его кто-то разыскивает. Да вообще ничего слышно не было. Как будто никакой смерти Безымянного не было и поисков виновника сего происшествия не предпринималось. Что же все-таки случилось в замке, после того как он его покинул?..

– А ты помнишь Барга, с которым ты столько возился?

Грон кивнул и улыбнулся. Барг был еще совсем юным, ему вряд ли исполнилось больше одиннадцати лет, и еще он страшно смущался. А на Грона смотрел с тайным обожанием.

– Так вот, на самом деле его зовут Баргион ад Кадигул, и он единственный сын графа Кадигула. А сегодняшний прием граф устраивает как раз по случаю его двенадцатилетия.

Грон удивленно улыбнулся. Да уж, неожиданность.

– Так это я ему обязан приглашением?

Батилей, улыбаясь, кивнул:

– Да, причем не ты, а мы. Граф души не чает в сыне. Тот появился на свет шестым по счету, когда граф уже почти потерял надежду на наследника. Потому что пятеро предыдущих его детей были девочки. Так что когда тот попросил его пригласить на прием своего такого важного и взрослого, – Батилей усмехнулся и подмигнул Грону, – тренера по фехтованию, отец не смог ему отказать. Ну а заодно пригласил и владельца фехтовальной школы.

– Понятно. Но... – Грон озадаченно нахмурился, – мне же не в чем идти. – Он оглядел рубаху и штаны, в которых занимался уборкой зала. Это была его единственная одежда.

Батилей легкомысленно махнул рукой.

– Ничего, Тавир согласился подождать с долгом еще седмицу, так что сейчас поедем подберем тебе что-нибудь поприличнее. Из-за этого я тебя и тороплю.

Прием, посвященный дню рождения наследника, начался на закате. То есть довольно рано. Зимой балы обычно начинаются часа через полтора-два после захода солнца, но нынешнему виновнику торжества было всего лишь двенадцать, так что празднество перенесли на более ранний час. И Грон с Батилеем едва успели к началу. Вернее, они опоздали. Допуск обычных гостей в замок был уже прекращен. Но поскольку они считались приглашенными лично виновником торжества, места для них были зарезервированы. И за столом, и в зале приемов. Так что когда они, слегка разгоряченные торопливой скачкой, влетели во внутренний двор графского замка, так же как и Эзнельмский больше напоминающего дворец, хотя и гораздо меньший по размерам (ну да разве можно сравнить Эзнельмское герцогство с Кадигулом?), их встретил все тот же Тавир, нервно меряющий в длину нижнюю ступеньку парадной лестницы.

– Батилей, ну где же вы? Все уже собрались. Вот-вот объявят графа с наследником.

Тавир был основным инициатором сбора денег на фехтовальную школу, поэтому он вел себя с Батилеем по-приятельски.

– Да так, одной вертихвостке вздумалось попримерять наряды, – отшутился Батилей, спрыгивая с седла и кидая повод подбежавшему стражнику.

Грон соскочил с коня менее картинно, но так же быстро.

В парадный зал они влетели буквально за несколько мгновений до появления графа, когда мажордом уже грянул жезлом об пол и разинул рот, набирая воздух. Грон перевел дух, поправил слегка сбившийся от бега по лестнице новенький кружевной воротник и скосил глаза, оглядывая соседей. Его окружали весьма солидные господа в роскошных костюмах, изо всех сил делающие вид, что они его не замечают. А может, они его действительно не замечали. Ну как мы не замечаем всяких там червячков или жучков, сонмы которых копошатся у нас под ногами. По разнице в статусе Грон был для них где-то на таком же уровне.

– Граф Кадигул с наследником! – громко провозгласил мажордом.

Грянули литавры, и из распахнутых внутренних дверей показались две фигуры – одна высокая, а другая заметно ниже. Грон улыбнулся уголком рта. Он узнал Барга, вернее Баргиона ад Кадигула, милостью Владетеля будущего правителя графства. Тот с пунцовым румянцем во всю щеку важно вышагивал рядом с отцом.

Официальная часть оказалась не очень длинной и не слишком официальной. Граф с сыном приняли поздравления наиболее важных гостей, подарки от которых, согласно местным правилам, были заранее переданы дворецкому, затем пообщались с несколькими менее важными гостями, а затем всех пригласили в залу, где были накрыты столы. К удивлению Грона, их места оказались за графским столом. Наверное, сын графа действительно буквально веревки вил из своего отца... или Батилей все-таки был настолько неубедителен в роли простолюдина, что его напрочь отказывались считать таковым. Вот ведь интересно получается: иной господин из кожи лезет, чтобы его считали дворянином, и самую роскошную одежду покупает, и выезд у него из самых-самых, и стражники вокруг, куда бы он ни направлялся, и пальцы драгоценными перстнями унизаны, а все равно крестьянин крестьянином. А другой вроде как и одет неброско, и ведет себя не шумно, но все вокруг уверены, что он благородного сословия. Грон обратил на это внимание, еще когда был Казимиром Пушкиевичем. Вроде как в Советском Союзе и класса такого не существовало – дворянства, и даже модно было щеголять рабоче-крестьянским происхождением и тем, что, мол, мы всяких там университетов не кончали, ан нет, все равно из некоторых благородство так и перло. Причем это не обязательно были потомки дворян (хотя многие были), заметная часть как раз из рабочих и крестьян вышли, но останься по-прежнему в России-матушке царь на престоле – быть им дворянами непременно.

Ужин вопреки традициям оказался недолгим. Всего с тремя переменами блюд. Похоже, весь прием был подстроен под юный возраст виновника, и одним из условий, учитываемых уже на стадии его планирования, была необходимость закончить сие мероприятие до полуночи. Так что не прошло и часа, как мажордом снова грохнул своим жезлом об пол и огласил приглашение вновь вернуться в парадный зал. Там уже все было обустроено для танцев.

Грон получал от вечера истинное удовольствие, не говоря уж о том, что все происходящее было для него отличным местом для сбора информации. Нет, в памяти Собола имелись кое-какие сведения о подобных приемах в Эзнельмском замке, причем приемах куда более пышных и многочисленных, но Собола во время этих приемов выступал в качестве прислуги, а не гостя. К тому же его воспоминания были эмоционально окрашены восприятием восьми-девяти-десятилетнего мальчика, а в этом возрасте обычно больше внимания обращается на яркую мишуру, на блески, детали, вычурность, эпатаж, чем на то, к чему действительно стоит присмотреться.

Потанцевать ему так и не пришлось, хотя Собола обучали этому нелегкому искусству, но с его ногой... А вот Батилей пользовался успехом. Тем большим, что танцевал он отменно. Так что когда спустя два часа они покинули празднество, по всем признакам уже явно клонящееся к завершению, учитель был возбужден и доволен. Они не торопясь спустились по лестнице, Батилей махнул перчаткой конюху, делая знак привести лошадей.

– Ну как тебе сегодняшний вечер?

– Интересно, учитель, – отозвался Грон.

– И все? – фыркнул Батилей. – Хотя да... ты почему-то прятался от женского внимания за спинами мужчин. А зря, между прочим. Женщина – не только источник множества проблем, но и при умелом обращении неплохой способ их решения. А также источник незабываемого наслаждения и горького разочарования. Короче, целый мир, окунуться в который очень приятно. Ну да, я думаю, у вас в пажеской спальне все это уже обсуждалось...

– Ваши лошади, ваша милость, – глухо прозвучало за спиной Грона, прерывая поэтические излияния Батилея.

Грон понимающе кивнул и развернулся, протягивая руку, чтобы принять повод из рук конюха. И замер... уставившись взглядом в лицо того самого Безымянного, который насадился сердцем на меч в узком коридорчике Эзнельмского замка...

5

Батилей появился в тренировочном зале поздним вечером. Грон давно закончил уборку и правку тренировочных клинков и теперь сидел на низкой скамеечке, прямо под подсвечником, латая один из кожаных тренировочных нагрудников. Когда учитель стремительным шагом вошел в зал, он как раз откусывал дратву.

– Приятно, – усмехнулся Батилей, останавливаясь и стягивая перчатку с левой руки, – когда тебя встречают столь низким поклоном. Хотя и сидя.

Грон неторопливо разогнулся, сплюнул маленький кусочек дратвы, застрявший между зубами, и, поднявшись на ноги, отвесил уже полноценный поклон.

– Так лучше, учитель?

– Несомненно, – серьезно кивнул Батилей и, не выдержав, рассмеялся.

Грон усмехнулся в ответ.

– Кстати, у меня хорошие новости, – заявил Батилей, стягивая перчатку с правой руки.

За последние полтора месяца их отношения серьезно изменились, перейдя из категории «учитель – ученик» (отношений «слуга – господин» у них как-то изначально не сложилось) в скорее дружеские. Нет, на людях они по-прежнему соблюдали все, так сказать, правила субординации, но наедине... И причиной этому во многом было то, что каждый из них теперь знал о другом много больше. Этакий взаимный обмен личными тайнами.

Тогда во дворе Грон буквально остолбенел. Конюх, натолкнувшись на его взгляд, испуганно отшатнулся и вскинул руку с поводьями, будто заслоняясь, но Батилей, быстро сориентировавшись, вклинился между ними, торопливо выдернул поводья из рук конюха и, сунув ему серебряный, повелительно произнес:

– Спасибо, милейший, вот тебе, иди! – А затем, развернувшись к Грону, приказал: – Подержи мне стремя, ученик!

Грон вздрогнул и поежился, а затем, спохватившись, бросился вперед и вцепился в стремя. Батилей нарочито неторопливо, давая Грону время окончательно прийти в себя, утвердился в седле и тут же дернул поводья, разворачивая коня в сторону ворот и подчеркивая этим, что пора ехать, а ждать, пока нерасторопный ученик взгромоздится на свою лошадь, он не намерен.

Они успели отъехать от замка где-то на полмили, когда Батилей повернул голову в сторону Грона и тихо спросил:

– Что, увидел призрака из своего прошлого?

Грон, уже успевший полностью вернуть контроль над своими реакциями, кивнул и глухо произнес:

– Да.

– По-прежнему не хочешь ничего рассказать?

Грон покосился на Батилея. Теперь, возможно, стоило. Они вместе уже два месяца, и ему удалось узнать Батилея получше. Даже получить намек на некоторые скелеты в его шкафу. Причем, очень вероятно, намек сознательный, да даже если и нет и намек – всего лишь оговорка, то Батилей, несомненно, заметил ее, и сейчас по-любому очередь Грона открывать свои тайны. Если, конечно, он собирается выстраивать отношения с этим весьма, как теперь уже стало совершенно ясно, неординарным человеком на основе доверия и возможной дружбы.

– Лицо конюха... – тихо отозвался Грон.

– Я понял, что дело именно в конюхе, – поощряюще произнес Батилей.

– Он похож на одного Безымянного. Ныне мертвого.

– На мертвого Безымянного? – удивился Батилей. – Но Безымянных невозможно убить.

Грон усмехнулся.

- А если Безмянному развалить мечом сердце?
- Только сердце? – уточнил Батилей.
- Да, – слегка похолодев от вспыхнувших сомнений, кивнул Грон.

Батилей пожал плечами:

– Тогда рана заживет спустя пару часов. То есть не совсем, конечно, – на груди останется шрам, который будет заметен где-то с неделю, а затем исчезнет и он.

Грон резко натянул поводья, останавливая лошадь. Так вот в чем дело! А он-то голову ломал!

– Но ты все равно рассказываешь удивительные вещи, – продолжил Батилей, когда они снова тронули коней. – Безмянного очень сложно проткнуть мечом. Это – идеальные машины для убийства. Мне самому известно только о двух подобных случаях, и то один из них, похоже, всего лишь легенда, а что касается второго, то там против Безмянного сражались сразу пятеро. Причем все весьма неплохие фехтовальщики. И троих из них он зарубил. – На лицо Батилея набежала тень, ставшая заметной лишь потому, что в этот момент они проезжали мимо факела, воткнутого в держатель на стене. В отличие от Эзнельма, имевшего ламповое освещение трех центральных улиц, Кадигул все еще пользовался гораздо менее эффективным факельным.

– Это произошло случайно, – пробурчал Грон.

– Случайно поразить Безмянного невозможно, – спокойно констатировал Батилей. – Но я не принуждаю тебя рассказывать мне все. Я же обещал, что не буду слишком назойливым.

Грон не ответил.

– Однако я готов помочь тебе разобраться в этом деле, – сказал Батилей шагов сорок спустя.

Грон все так же молча принял правый повод, сворачивая к усадьбе, и, уже когда они въехали в ворота, произнес:

– Я бы хотел узнать, не было ли у этого конюха каких-нибудь братьев, и если да, то что с ними стало.

Первые сведения о родственниках конюха Батилей сумел раздобыть через неделю. У того действительно оказался брат, причем близнец, который несколько лет назад покинул Кадигул и отправился попытать счастья на север. Последняя весточка, которую семья от него получила, пришла из Таммельсмейна. Так что удивительное сходство лиц получило объяснение. Хотя каким образом тот сделался Безмянным, оставалось неясно. Но версии появились. В свете того, что Батилей рассказал Грону о том, как появляются Безмянные... На самом деле точно никто этого не знал. Скажем, в памяти Собола Грону удалось раскопать две версии. Одна из них заключалась в том, что Безмянных создает сам Владелец, напрямую. Ну как Первый Творец, сотворивший небо и землю, создал людей из первородной глины, замесив ее морской водой (отчего кровь у людей до сих пор соленая), слепив из нее фигурки и вдохнув в них жизнь. А потом, когда новые игрушки ему наскучили, подарил их Владетелям. Другая была вариантом первой и заключалась в том, что сам лично Владелец Безмянных не создавал, а использовал для этого женщин-варварок из племени горных людоедов, зачаровав их чрева, из которых и появлялись Безмянные. Версия Батилея, показавшаяся Грону более похожей на правду, заключалась в том, что Безмянные – обычные люди, которые вызвали какое-то неудовольствие Владетеля, и он в наказание их лишил души и разума, взамен наполнив своей силой. Этим и вызвано не только их абсолютное послушание и столь невероятная живучесть, но и ставшая уже притчей во языцех ограниченность или даже откровенная тупость. И короткий опыт общения с Безмянными, имеющийся у Грона, лишь подтверждал эти предположения.

А еще через месяц ему наконец-то удалось за весь часовой вечерний спарринг не пропустить ни одного укола Батилея. В тот вечер он как-то резко, рывком, поймал ритмику схватки длинным и узким клинком, так сказать, врубился, как часто бывает, когда долгое время упорно

занимаешься одним и тем же делом, не опуская руки и не давая себе поблажек, и, похоже, перешел на следующий уровень. Так что в тот вечер всякий раз, когда Батилей пытался нанести укол, Грон успевал принять выпад на лезвие, гарду или уйти. Правда, самого Батилея он так ни разу не достал, но это было совсем не важно. С его прошлым богатым опытом реальных боевых схваток и очень неплохой теоретической подготовкой, которую он приобрел еще на Земле, когда изучал различные виды оружия и стили фехтования от дестрезы до кен-дзюцу, это было делом времени, причем очень непродолжительного. Так что, когда Батилей сделал шаг назад и, отсалютовав клинком, обозначил окончание самой последней тренировочной схватки за вечер, Грон почувствовал, как его охватило ощущение победы. Он уже почти забыл подобное ощущение. Ибо в прежнем мире последние несколько лет схватка велась на таком уровне, который можно было бы охарактеризовать расхожим штампом «Победа или смерть», и это означало, что каждый выигрыш всего лишь давал шанс ввязаться в новую, следующую схватку, а здесь у него пока еще не было никаких побед.

– Поздравляю, Грон, – как-то особенно, можно сказать торжественно, произнес Батилей, – ты прогрессируешь просто невероятными темпами. Я думал, что до подобного результата тебе придется работать года полтора-два, и это при том, что я изначально считал, что ты обладаешь большим потенциалом. Несмотря на твою ногу.

– Вашими трудами, учитель. – Грон отсалютовал Батилею клинком, а затем склонился в низком поклоне. И это был еще один шаг к их большей близости, постепенно перераставшей в дружбу.

Следующий шаг навстречу друг другу они совершили около двух недель назад. О своей прежней жизни Батилей заговорил сам. Однажды вечером. Когда они сидели у камина с кувшином сидра.

Кувшин опустел почти на две трети, Батилей на некоторое время замер, уставившись на почти погасшие угли в камине, а затем тихо и будто бы про себя произнес:

– Совсем как в моем замке.

Грон застыл, опасаясь неловким словом или несвоевременным движением оборвать эту новую тонкую ниточку доверия, внезапно возникшую между ними. А Батилей тихо продолжил:

– Я был первым сыном, наследником герцога Садерай. Мой отец был могущественным властителем, а наше герцогство считалось самым богатым и обширным доменом во всем Владении Владетеля Огенида. Наша семья правила герцогством уже на протяжении двухсот лет, неизменно пользуясь благосклонностью Владетеля и любовью и уважением подданных. И я все разрушил... – Он замолчал.

Грон тоже молчал. Батилею не нужно было никаких вопросов. Более того, вопросы могли бы сбить его, заставить вновь закрыться в своей скорлупе, а ему надо было выговориться.

– Я считался самым завидным женихом во всем Владении и был сильно избалован женским вниманием. Не было в герцогстве женщины, которая отказала бы мне. Женщины – существа эмоциональные и подверженные порывам, но и весьма прагматичные. Так что та крепость, которая не выкидывала белый флаг перед юной красотой, страстным напором и искусством галантного обольщения осаждавшего ее полководца, часто принимала решение сдаться, собираясь воспользоваться плодами вспыхнувшей страсти в будущем, когда наследник станет герцогом. Тогда я не понимал много из этого, да и, если честно, совершенно не собирался во всем этом разбираться, с юношеской самоуверенностью считая, что я сам по себе весь такой желанный и неотразимый... – Батилей протянул руку и, ухватив кувшин с сидром, налил себе стакан, залпом выпил и продолжил: – Ее звали Аздея. И она тоже привыкла к тому, что ей все дозволено. Ну еще бы, она была младшей и самой любимой дочерью герцога Корама, самого богатого властителя Владения Эгина, соседнего с нами, да к тому же яркой красавицей. Поэтому, когда она узнала, что ее собираются выдать замуж за графа Адията, который был старше ее на двадцать восемь лет, она закатила дикий скандал, думая, что и на этот раз отец отступит

и сделает так, как ей хочется. Но отец лишь сказал ей, что вся та роскошь, в которой она выросла, принадлежит их семье не просто так, а в обмен на обязательства всеми способами делать жизнь подданных более счастливой. И необходимость избирать супруга не по порыву души, а по велению долга – одна из неперенных обязанностей каждого, кто принадлежит к семье властителя. Так что ей остается только подчиниться, причем не столько даже решению отца, сколько ее собственному долгу одной из властительниц. Но Аздея не привыкла подчиняться, ведь она с молодых ногтей лишь повелевала, а ее отец, ослепленный любовью и обожанием, не смог научить ее повиноваться ни себе, ни долгу, ни хотя бы обстоятельствам. Поэтому она принялась всеми силами расстраивать нежеланный ей брак, а когда не удалось, всем сердцем возненавидела мужа. – Батилей горько усмехнулся. – Свадьба была пышная. На нее были приглашены самые знатные семейства трех соседних Владений. Так что без меня там никак не могло обойтись. И на свадебном пиру она увидела меня. – Он замолчал и прикрыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.